

Суть доказательств

Автор:

Патрисия Корнуэлл

Суть доказательств

Патрисия Корнуэлл

Кей Скарпетта #2

Известной писательнице кто-то звонит с угрозами, а через некоторое время ее находят убитой в собственном доме. Ситуацию осложняет исчезновение рукописи, способной пролить свет на преступление. К расследованию подключается Кей Скарпетта, главный судмедэксперт Ричмонда. Постепенно один за другим начинают погибать люди из ближайшего окружения писательницы, а сама Кей становится новой мишенью преследователя. Ей остается лишь одно – раскрыть дело и поймать убийцу прежде, чем он доберется до нее.

Патрисия Корнуэлл

Суть доказательств

Эду – специальному агенту и другу

Пролог

13 августа

Ки-Уэст

Привет, М.

Тридцать дней минуло в отмеренных оттенках света и переменах ветра. Я слишком много думаю и совсем не мечтаю.

После полудня сижу обычно на веранде в «Луи». Пишу и смотрю на море. Какая мозаика цвета! От изумрудно-зеленого на отмелях до темно-синего на глубине. Небо исчезло где-то в бесконечности, и белые перышки облаков плывут, будто колечки дыма. У берега купаются отдыхающие, за рифами замерли на якоре шлюпки. Я вижу, но не слышу их, – все звуки смывает постоянный бриз. Веранда крытая, так что, когда вдруг налетает шторм – такое случается обычно ближе к вечеру, – я остаюсь за столиком, вдыхаю запах дождя и смотрю, как пробегает по воде зыбь – будто кто-то поглаживает мех животного против шерсти. Бывает так, что дождь льет, а солнце светит.

Мне никто не докучает. Я уже стала здесь своей, частью ресторанной семьи: командир – Зулу, черный лабрадор, гоняющийся за фрисби, а его команда – бродячие коты, забредающие сюда регулярно и терпеливо, молча ожидающие подачки. Четвероногие подопечные Луи питаются лучше, чем иные люди. На душе светлеет, когда видишь, что мир способен по-доброму относиться к своим созданиям. В общем, дни проходят размеренно и довольно приятно.

Страшно бывает ночами.

Когда мысли заползают в темные щели и начинают плести свою жуткую сеть, я бегу от них, ищу спасения на тесных улочках Старого города. Шумные бары влекут меня, как свет мошку. Уолт и Пи-Джей придают моим ночным блужданиям некую осмысленность и упорядоченность. Уолт приходит с работы первым: он занимается бизнесом – держит магазинчик на Мэллори-сквер, где торгует поделками из серебра, – к вечеру обычно покупатели уже не заходят в его лавочку. Мы открываем по бутылочке пива и ждем Пи-Джея. Потом шатаемся по барам и заканчиваем обычно у «Неряхи Джо». За то время, что я здесь, мы стали неразлучны. Надеюсь, они не разбредутся без меня. Их любовь уже не кажется мне больше чем-то из ряда вон выходящим. Как и многое другое. Кроме смерти, которую я вижу.

Мужчины тщедушны и скучны. Их глаза – окна, и, глядя в них, я обнаруживаю измученные души. СПИД – вот чума, поглощающая приношения этого крохотного островка. Странно, но мне здесь комфортно, среди изгнанных и умирающих. Хотя, может быть, многие из них еще меня переживут. Я лежу в постели, слушаю гудение вентилятора и не могу уснуть. Мысли лезут в голову. Мысли и картины того, как это случится.

Деться мне некуда. Я вспоминаю это каждый раз, когда звонит телефон. Я оборачиваюсь, едва услышав шаги за спиной. Каждый вечер я открываю шкаф, откидываю шторы, заглядываю под кровать и приставляю стул к двери.

Боже, как не хочется возвращаться домой.

Берилл

30 сентября

Ки-Уэст

Привет, М.

Вчера, когда мы сидели в «Луи» на веранде, Брент позвал меня к телефону. Сердце сразу запрыгало, но в трубке только щелкнуло и начались гудки.

Ты представить не можешь, как это на меня подействовало! Я ведь постоянно пытаюсь убедить себя, что бояться нечего, что виной всему мое воображение, способное довести до паранойи. Уж лучше бы он что-нибудь сказал, порадовался бы моему страху. Как ему удалось узнать, что я здесь? Как он нашел меня в городе? Одну из официанток зовут Стью. Она порвала со своим парнем и приехала с севера. Может быть, звонили ей, а Брент просто не разобрал и вместо Стью позвал Стро? Звонивший услышал чужой голос и повесил трубку.

И зачем только я всем сообщаю свое прозвище!

Так или иначе, будь я Берилл или Стро, мне страшно.

Книга не закончена, но денег почти не осталось, да и погода поменялась. Утро выдалось хмурое, дует сильный ветер. Я осталась сегодня дома, потому что на веранде в «Луи» работать невозможно. На улице мигают фонари. Пальмы от ветра похожи на вывернутые зонтики. Мир за окном стонет, как раненый, капли дождя бьют в стекло, и кажется, что Ки-Уэст осаждают какие-то темные силы.

Надо уезжать. Мне будет не доставать этого островка, не хватать Пи-Джея и Уолта. Благодаря им я чувствовала себя в безопасности. Они заботились обо мне. И что я буду делать, когда вернусь в Ричмонд? Может быть, сразу же и уеду, да вот только не знаю куда.

Берилл

1

Я положила письма туда, где они лежали, – в бумажный пакет, достала хирургические перчатки, засунула их в свой черный медицинский чемоданчик и, войдя в лифт, спустилась на первый этаж. В морг.

В выложенном плиткой коридоре было еще сыро после недавней уборки, а прозекторскую уже заперли. Выйдя из лифта, я прошла по диагонали к холодильнику из нержавеющей стали и потянула на себя тяжелую, массивную дверь. Изнутри привычно пахло холодом и скверным запахом. Долго искать нужную каталку не пришлось, причем я даже не смотрела на бирки – просто узнала торчащую из-под белой простыни тонкую, изящную ступню. Берилл Мэдисон я изучила с головы до пят.

Дымчато-голубые глаза бесстрастно смотрели из-под полуопущенных век; лицо казалось расслабленным, глубокие порезы, большая часть которых пришлась на левую сторону, побледнели. Шею раскроили до спины, перерезав подъязычную мышцу. Девять проникающих ран над левой грудью казались большими красными бутоньерками и располагались почти строго вертикально. Удары

наносили быстро, один за другим, и с большой силой – кое-где на коже остались следы рукоятки. Порезы на руках, от запястий до плеч, разнились по длине – от четверти до четырех с половиной дюймов. Всего режущих ран насчитывалось двадцать семь, включая две на спине и не считая колотые на груди и шее, и все их жертва получила, пытаясь защититься от широкого, острого лезвия.

Мне не нужны были ни фотографии, ни диаграммы. Закрыв глаза, я видела перед собой лицо Берилл Мэдисон. Видела во всех отвратительных подробностях, что сделали с ней ненависть и злоба. Левое легкое проколото в четырех местах. Сонная артерия почти перерезана. Пострадали дуги аорты и маммарная артерия, пробиты сердце и околосердечная сумка. К тому моменту когда безумец практически обезглавил жертву, она уже была мертва.

Я пыталась понять, как такое могло случиться. Ей угрожали. Перепуганная до смерти, она сбежала в Ки-Уэст. Берилл Мэдисон не хотела умирать. И погибла в первую же ночь после возвращения в Ричмонд.

Зачем ты впустила его в дом? Почему ты это сделала?

Я поправила простыню и откатила тележку к задней стене холодильника. Завтра после полудня тело кремируют, а прах отправят в Калифорнию. В следующем месяце Берилл исполнилось бы тридцать шесть. Живых родственников у нее, похоже, не осталось, только сводная сестра во Фресно. Тяжелая дверь стальной камеры закрылась с глухим, всасывающим звуком.

Бетон парковочной площадки за офисом службы судебно-медицинской экспертизы прогрелся за день, в воздухе ощущался слабый запах креозота от расположенных неподалеку железнодорожных эстакад. Погода стояла не по сезону теплая. И это под самый Хеллоуин.

Боковая дверь была открыта, один из уборщиков поливал из шланга бетон. Увидев меня, он поднял шланг, так что я прошла под водяной аркой.

– А вы сегодня рано, доктор Скарпетта.

Часы показывали половину пятого, а уходила я обычно не раньше шести.

– Вас подвезти? – спросил уборщик.

– Спасибо, за мной приедут.

Я родилась в Майами, неплохо знала ту часть света, где скрывалась летом Берилл Мэдисон, и легко могла представить Ки-Уэст с его волшебными красками. Закрыв глаза, я видела его яркую зелень, необычайную голубизну неба и закаты, настолько кричаще роскошные, настолько вульгарно-цветистые, что такое могло сойти с рук только Творцу. Уж лучше было бы Берилл Мэдисон оставаться там и никогда не возвращаться в Ричмонд.

Сияющая как черное зеркало, новенькая «корона виктория» неспешно и с достоинством вплыла на стоянку. Ожидая увидеть знакомый потрепанный «плимут», я слегка растерялась, когда оконное стекло «форда» почти бесшумно скользнуло вниз.

– Ждешь автобуса или как?

В отполированной до блеска дверце отразилось мое удивленное лицо. Лейтенант Пит Марино безуспешно пытался изобразить пресыщенность жизнью и равнодушие к ее дарам. Электронный замок открылся с уверенным, твердым щелчком.

– Впечатляет, – сказала я, устраиваясь в шикарном интерьере автомобиля.

– Шла в придачу к назначению. – Он поддал газу. Мотор заревел. – Неплохо, а?

Замученные, хрипящие клячи ушли наконец-то в прошлое – Марино приобрел настоящего жеребца.

Доставая из пачки сигарету, я заметила дырку на приборной панели.

– Откуда это? Пытался подключить мигалку или только электробритву?

– Черт!.. – жалобно простонал лейтенант. – Какой-то придурок слямзил мой прикуриватель. На автомойке. Представляешь? На следующий же день после того, как я ее купил. Жуть, да? Сначала недоумки сломали щеткой антенну, и,

пока я прочищал им мозги, кто-то спер прикуриватель. Так расстроился, что...

Иногда Марино напоминал мою мать.

– ...увидел чертову дырку уже возле дома. – Он на секунду замолчал и, пока я искала в сумочке спички, выудил из кармана зажигалку и бросил мне на колени. – Как же так, док? А кто божился, что бросает курить?

– Я и бросаю. С завтрашнего дня.

* * *

В тот вечер, когда убили Берилл Мэдисон, мне сначала пришлось высидеть два часа на скучной опере, а потом в дорожном английском пабе выслушивать напыщенные разглагольствования отставного судьи, поведение которого плохо соответствовало статусу человека, носившего почетный титул «ваша честь». У меня не было с собой пейджера, и полиция вызвала на место преступления моего заместителя Филдинга. Вот почему в дом убитой писательницы я отправлялась впервые.

Виндзор-Фармс не тот район, где убийства – привычное дело. Дома здесь большие, они расположены на идеально ухоженных участках в глубине от дороги. Большинство снабжены охранной сигнализацией и системой кондиционирования, так что открывать окна для проветривания помещения вовсе не обязательно. За деньги бессмертия не приобретешь, но купить некоторую долю безопасности на них можно. Раньше по служебным делам я здесь не бывала.

– Похоже, деньжата у нее водились, – заметила я, когда Марино остановился перед запрещающим знаком.

Старушка с белыми как снег волосами провела мимо пушистого мальтийца. Собачонка уставилась на нас, обнюхала травку и задрала лапу.

– Ну какой от нее толк! – неодобрительно пробормотал Марино, провожая старушку и ее любимца неодобрительным взглядом. – Ненавижу этих шавок. Только и знают, что тявкать до хрипоты да гадить в каждом углу. Хочешь

завести собаку – возьми кого-нибудь клыкастого.

– Некоторым они нужны только лишь для компании, – отреагировала я.

– Да уж. – Лейтенант помолчал и, вспомнив мою последнюю реплику, пояснил: – Деньжата у Берилл Мэдисон точно были, но пошли, как я думаю, на строительство своего гнездышка. А все сбережения профукала в Краю Гомосеков[1 - Игра слов: Key West и Queer (англ. – похожий на гомика) West. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)]. Бумаги еще не разобрали.

– Их кто-то трогал?

– Не похоже. Между прочим, с писательством у нее неплохо получалось. В смысле зелени. Публиковалась под несколькими псевдонимами. Эдер Уайлдс, Эмили Стрэттон, Эдит Монтегю.

Имена ничего мне не говорили. Только Стрэттон показалось знакомым.

– Стрэттон... Ее второе имя.

– Может быть, от него и прозвище? Стро – Соломинка.

– Или оттого, что у нее светлые волосы, – напомнила я.

Волосы у Берилл были цвета меди, с выгоревшими на солнце золотистыми прядями, черты лица ровные и тонкие, фигура хрупкая. Возможно, ее находили красивой. Трудно сказать. Из прижизненных фотографий я видела только одну, на водительском удостоверении.

– Я разговаривал с ее сводной сестрой, – продолжал Марино. – Стро ее называли только близкие. Тот, кому она писала из Ки-Уэста, определенно входил в этот круг. Такое у меня сложилось впечатление. – Он поправил «kozyрек». – Только вот зачем понадобилось копировать собственные письма? Сколько ни думаю, понять не могу. А ты, док? Тебе попадались люди, которые делают фотокопии личных писем?

– Ты уже сказал, что она вообще много чего хранила.

– Точно. Это мне и не дает покоя. Предположим, тот псих угрожал ей несколько месяцев. Что делал? Что говорил? Не знаю. Ничего этого она не записывала. Ни звонки на магнитофон, ни даже время. Странно, да? Дамочка делает фотокопии личных писем, но не удосуживается записать ни слова из угроз, которыми ее стращал маньяк. Ты что-нибудь понимаешь?

– Не все думают так, как мы с тобой.

Лейтенант покачал головой:

– А я так скажу. Некоторые не думают потому, что голова у них забита кое-чем другим. Чем-то таким, о чем посторонним лучше не знать.

Машина свернула на подъездную дорогу и вскоре остановилась перед дверью гаража. Лужайка заросла травой, ведь за ней некому было ухаживать. Кое-где покачивались под ветром высокие одуванчики. Возле почтового ящика висела табличка с надписью «Продается». Переднюю дверь серого цвета запечатывала желтая полицейская лента.

– Колеса в гараже, – сказал Марино, когда мы вышли. – Очень даже приличная черная «хонда аккорд EX». Думаю, тебе стоит на нее взглянуть. Есть кое-что интересное.

Я остановилась и огляделась. Косые, но еще теплые лучи солнца согревали плечи и шею, хотя в воздухе уже ощущалась прохлада. Нас окружала тишина, нарушаемая лишь нетерпеливым жужжанием осенних насекомых. Я медленно и глубоко вдохнула. Не знаю почему, но на меня вдруг навалилась усталость.

Дом, спроектированный в так называемом интернациональном стиле, отличался упрощенным силуэтом, горизонтальным передним фасадом из больших, опирающихся на пилястры первого этажа окон. Он отдаленно напоминал корабль с открытой нижней палубой. Построенный из плитняка и дорогого дерева, он мог бы принадлежать богатой молодой парочке – просторные комнаты, высокие потолки, много дорогого и неиспользованного пространства. Участок Берилл был последним на Уиндэм-Драйв, и это объясняло тот факт, почему никто ничего не видел и не слышал. С двух сторон его окружали дубы и

сосны, создавая естественный барьер между Берилл и ближайшими соседями. Задний двор заканчивался крутым склоном глубокого, заросшего кустами и заваленного булыжниками оврага, за которым начинался, простираясь насколько хватало взгляда, густой, нетронутый лес.

– Черт! Бьюсь об заклад, у нее тут лани под окном ходили, – сказал Марино, когда мы обошли дом. – Ничего местечко, да? Выглядываешь из окна – и весь мир перед тобой. А зимой вид, наверно, вообще потрясающий. Не отказался бы от такой хижины. Разжигаешь камин, наливаешь бурбона в стаканчик, и больше ничего не надо – просто сидишь и смотришь на лес. Похоже, быть богатым не так уж и плохо.

– Особенно если ты при этом еще и жив.

– И то верно, – согласился Марино.

Сухие опавшие листья похрустывали под ногами. Мы обогнули западное крыло. Передняя дверь была на одном уровне с патио, и я заметила в ней «глазок». Он таращился на меня как пустой, невидящий глаз. Марино щелчком отбросил окурок, и тот, описав дугу, упал в траву. Пиджак лейтенант снял, оставшись в белой рубашке с короткими рукавами, расстегнутой вверху и смявшейся у левого плеча, где висела кобура. Над ремнем зеленовато-синих брюк колыхался живот.

Порывшись в карманах, Марино выудил ключ с желтой полицейской биркой и стал возиться с замком. Меня уже не впервые поразили его руки. Огромные, заскорузлые, сильные, они напоминали бейсбольные рукавицы. Ни музыкант, ни дантист из него никогда бы не получился. Лет пятидесяти с небольшим, с редкими седыми волосами и давно потерявшим товарный вид лицом, лейтенант выглядел достаточно грозно, чтобы посеять сомнения в душе самого отчаянного правонарушителя. Большим копам вроде него драться приходится редко. Уличная шпана с появлением такого представителя закона обычно затихает, засовывая браваду в задний карман.

Мы вошли в прихожую и, остановившись в прямоугольнике света, натянули перчатки. В доме присутствовал тот характерный запах пыли, плесени и залежалого сыра, который сам собой появляется в запертых надолго помещениях. Хотя прибывшая по вызову оперативная бригада отдела

ричмондского полицейского управления провела здесь несколько часов, все осталось на своих местах. Марино заверил меня, что дом выглядит точно так, как и при обнаружении тела Берилл Мэдисон двумя днями раньше. Он закрыл дверь и включил свет.

– Как видишь, – голос запрыгал эхом между стенами, – она впустила его сама. Никаких признаков взлома и насильственного проникновения не обнаружено. В доме установлена система сигнализации повышенного, тройного уровня надежности. – Марино привлек мое внимание к панели на стене возле входной двери. – Сейчас она отключена, но когда мы приехали сюда в тот вечер, завывала на полную. В общем-то поэтому ее и нашли так быстро.

Все началось со звонка. В начале двенадцатого ночи один из соседей Берилл набрал «911» и сообщил, что уже полчаса слышит вой сирены. К дому направили патрульную машину. Передняя дверь была приоткрыта. Через пару минут патрульный связался с участком и затребовал подкрепления.

В гостиной царил совершенный хаос. Стекланный кофейный столик лежал на боку, выставив вперед свои хрупкие ножки. Коврик устилали осколки хрустальной пепельницы, пары стеклянных чаш в стиле ар-деко, цветочной вазы и растрепанные журналы. У стены – перевернутое кресло, обитое голубой кожей. Рядом – подушка от такого же голубого диванчика. На белой стене, слева от ведущей в холл двери, – темные пятна засохшей крови.

– Сигнализация срабатывает сразу или с задержкой? – спросила я.

– С задержкой. Дверь открывается, она срабатывает и жужжит секунд пятнадцать, прежде чем включиться на полную силу. Так что времени, чтобы ввести код, вполне достаточно.

– Тогда получается, что она открыла дверь, отключила сигнализацию, впустила гостя и снова ее включила, пока он был еще здесь. В противном случае сигнализация не сработала бы после того, как он ушел. Интересно.

– Да уж, интересней некуда.

Мы стояли в гостиной у опрокинутого стеклянного столика, припорошенного темно-серым порошком. Журналы на полу, новостные и литературные издания

были далеко не новые.

– А свежие газеты и журналы кому-нибудь попадались? Если она купила здесь местную газету, то могла увидеть какой-то материал. Куда она отправилась, сойдя с самолета? Не мешало бы проверить.

Марино поиграл желваками. Он не терпел, когда ему указывали, что и как делать.

– Кое-что нашли в спальне наверху, там, где она оставила сумки и «дипломат». Обе газеты местные. «Майами геральд» и какой-то «Обзор» с перечислением всей предлагающейся к продаже недвижимости. Может, подумывала перебраться в Ки-Уэст? И та и другая вышли в понедельник. Скорее всего, она и купила их уже в самый последний момент перед посадкой, в аэропорту, когда возвращалась в Ричмонд.

– Хотелось бы узнать, что говорит ее риэлтор...

– Ничего, – перебил Марино. – Ему сказать нечего. Утверждает, что понятия не имел, куда Берилл уезжала, а в доме после ее отъезда побывал только раз. Им интересовалась одна молодая парочка. Цена показалась завышенной, и дальше разговора дело не пошло. Берилл просила за дом триста тысяч зеленых. – Он огляделся, с трудом сохраняя непроницаемое выражение на своем суровом лице. – Похоже на то, что теперь кто-то неплохо погрееет руки.

– Вечером в аэропорту Берилл взяла такси. – Я упрямо старалась следовать за фактами и не давать Марино отвлекаться.

Он вытряхнул из пачки сигарету и ткнул ею, как указкой.

– Да. Квитанцию нашли вон там, в холле, на столике у двери. Таксиста уже проверили. Парня зовут Вудро Ханнел. Тупой как пробка. Сказал, что стоял в очереди на стоянке в аэропорту. Она села в его машину около восьми. В самый дождь. Высадил ее здесь, возле дома, минут через сорок. У нее было два чемодана. Парень донес их до двери и уехал. Заплатила двадцать шесть баксов, включая чаевые. Примерно полчаса спустя он уже взял другого пассажира. Там же, в аэропорту.

– Ты уверен или полагаешься только на то, что он сказал?

– Конечно, уверен. – Марино помял сигарету, постучал фильтром по пальцу. – Мы все проверили. Ханнел сказал правду. Дамочку он не трогал. Да и времени у него не было.

Я проследила за его взглядом и увидела темные пятна возле двери. Убийца наверняка перепачкался в крови. Таксист в окровавленной одежде вряд ли сел бы за руль и преспокойно вернулся в аэропорт за другим пассажиром.

– Дома она пробыла недолго. Приехала около девяти, а сосед позвонил в одиннадцать. К тому времени, по его словам, сигнализация работала уже полчаса, значит, убийца ушел около половины одиннадцатого.

– Верно, – согласился Марино. – Вот тут и начинается самое непонятное. Судя по тем письмам, леди кого-то боялась. И вот она возвращается тайком в город, запирается в доме, даже кладет сдачу, три восемьдесят, на кухонный стол – я тебе потом покажу – и вдруг... Звонок в дверь или что? Так или иначе, она впускает этого психа в дом и переустанавливает сигнализацию. О чем это говорит? О том, что они были знакомы.

– Я бы не стала категорически исключать незнакомца. Если он вел себя прилично и не показался ей подозрительным, она, возможно, поверила ему и почему-то впустила.

– В такой-то час? – Лейтенант с сомнением покачал головой. – С какой стати? Что он мог предложить? Подписку на журнал? Шоколадный батончик? В десять часов вечера?

Я не ответила. Потому что не знала, что ответить.

Мы остановились у двери, ведущей в холл.

– Это первая кровь, – сказал Марино, указывая взглядом на засохшие пятна на стене. – Здесь он ее ударил. Она побежала, он за ней. С ножом.

Я представила раны на лице и руках Берилл.

– Думаю, порезал ей левую руку, или лицо, или спину. Кровь на стене – капли с лезвия. Он замахнулся для второго удара, а капли с лезвия полетели на стену.

Пятна были эллиптической формы, около шести миллиметров в диаметре, и все более удлинялись по мере удаления от двери. Растянулись они никак не меньше чем на десять футов. Нападавший размахивал орудием убийства, как теннисист ракеткой. Какое чувство руководило им? Не злость, в этом я уже не сомневаюсь. Здесь было кое-что похуже.

Почему она его впустила?

– Судя по расположению пятен, он был здесь. – Марино отошел на несколько ярдов и остановился слева от двери. – Бьет ее еще раз, ранит, нож продолжает движение, и капли летят на стену. Следы, как видишь, начинаются отсюда. – Лейтенант указал на верхние пятна, находящиеся почти на высоте головы. Заканчивался кровавый пунктир в нескольких дюймах от пола. Марино с вызовом посмотрел на меня. – Ты ее осматривала. Что думаешь? Левша или нет?

Копы всегда об этом спрашивают. И сколько им ни объясняй, что гаданием я не занимаюсь, они все равно продолжают этим интересоваться.

– По одному лишь расположению пятен определить невозможно. – Во рту стало сухо, словно я наглоталась пыли. – Все зависит от положения убийцы относительно жертвы. Что касается колотых ран на груди, то они нанесены с небольшим наклоном слева направо. Так мог бы нанести удар левша. Но опять-таки все зависит от его положения относительно жертвы.

– Мне показалось интересным, что порезы есть только на левой стороне тела. Представьте, она убегает. Он нападает слева, а не справа. Нетрудно сделать вывод: убийца – левша.

– Все зависит от положения жертвы и нападающей стороны относительно друг друга, – снова, но уже нетерпеливо повторила я.

– Да, я понял, – буркнул Марино. – Все от чего-то зависит.

Пол в коридорчике был деревянным. Обведенные мелом пятна крови вели к лестнице футах в десяти налево от нас. Берилл бежала туда, к лестнице. Страх сильнее боли, и он гнал ее наверх. Почти у каждой ступеньки на левой стене остались длинные следы перепачканных кровью пальцев.

Черные пятна на полу, на стенах, на потолке. Берилл добежала до конца верхнего холла, где убийца оттеснил ее в угол. Здесь крови было много. Погоня возобновилась, когда она, наверное, проскочила мимо него в спальню и перебралась через кровать. Преследователь кровать обошел. Здесь Берилл швырнула в него «дипломат», или, что вероятнее, «дипломат» лежал на кровати и его просто сбросили оттуда. Полицейские нашли кейс с открытой крышкой на полу. Здесь же валялись высыпавшиеся бумаги, в том числе фотокопии писем из Ки-Уэста.

– Кроме писем было что-то еще? – спросила я.

– Квитанции, пара путеводителей, брошюра с картой города. Если хочешь, сделаю фотокопии.

– Пожалуйста.

– И еще стопка отпечатанных листов на туалетном столике. Вон там. Может быть, то, что она писала в Ки-Уэсте. На полях много карандашных пометок. Отпечатков нет, по крайней мере таких, которые могли бы о чем-то сказать. Пара мазков, непригодных для идентификации.

На кровати остался только голый матрас; покрывало и простыни со следами крови отправили в лабораторию. Силы иссякли, Берилл теряла контроль, слабела. Она выбралась в холл, где и упала – я помнила эту фотографию – на молитвенный коврик. На полу остались отпечатки ее окровавленных ладоней. Берилл еще смогла заползти в гостевую спальню за ванной, и там наконец ее настигла смерть.

– Я так думаю, – говорил Марино, – для него весь кайф был в погоне. Он мог бы схватить ее и убить сразу, еще в гостиной, но хотел растянуть удовольствие. Может, еще и ухмылялся при этом. Она кричит, убегает, падает, умоляет, а он идет за ней и улыбается. Потом она валится, и все – шоу закончено. Здесь он ее

и добивает.

Комната была холодная, с преобладанием бледно-желтого цвета оттенка январского солнца. На деревянном полу у двуспальной кровати чернела высохшая лужа, на побеленной стене – черные полосы и брызги. Я помнила фотографии – Берилл лежит на спине, раскинув ноги, руки за головой, лицо повернуто к зашторенному окну. Без одежды. Рассматривая снимки, я не смогла определить даже цвет ее волос – видела только красное. Возле тела полицейские нашли окровавленные брюки. Блузка и белье исчезли.

– Ты упомянул таксиста, Ханнела, или как его там... Он запомнил, в чем она была одета, когда села к нему в аэропорту?

Марино пожал плечами:

– Было уже довольно темно. Парень сказал, что она была вроде бы в слаксах и куртке. Слаксы нашли рядом, а куртка висела на стуле в спальне. Так что, похоже, переодеться она не успела. Наверное, просто сняла куртку, бросила на стул и занялась чем-то. Блузку, белье, что-то еще, если что и было, убийца забрал с собой.

– Сувенир.

Марино стоял, вглядываясь в темное пятно на полу.

– По-моему, дело было так. Он валит ее здесь, срывает одежду, насилует или пытается это сделать. Потом бьет ножом в грудь и режет горло. Жаль только, не наследил. – Лейтенант имел в виду, что взятые мазки дали отрицательный результат на сперму. – Так что на ДНК рассчитывать не приходится.

– Если только мы не найдем его крови, – заметила я. – В противном случае о ДНК можно забыть.

– Волос тоже нет.

– Нет. Те, что нашли, принадлежат жертве.

В притихшем доме наши голоса звучали неестественно громко. Всюду, куда ни посмотри, взгляд натыкался на жуткие пятна. Я видела их, и перед глазами тут же вставала страшная картина: колотые раны на груди, отпечатавшиеся на коже следы рукоятки, зияющая, разверзшаяся, как распахнутый в крике рот, рана на шее. Я вышла в холл. Пыль раздражала легкие. Дышать становилось все труднее.

– Покажите, где нашли ее оружие.

Прибыв на место преступления, полицейские обнаружили автоматический пистолет Берилл на кухонном столе, рядом с микроволновкой. Пистолет был заряжен и стоял на предохранителе. Отпечатки на нем принадлежали убитой.

– Коробку с патронами она держала в столе около кровати, – сказал Марино. – Там же, наверное, лежал обычно и пистолет. Леди вернулась домой, отнесла наверх сумки, разобрала вещи, бросила тряпки в корзину в ванной и поставила в шкаф чемоданы. Тогда же, наверное, достала оружие. Значит, нервничала. Сильно нервничала. Бьюсь об заклад, дамочка проверила все комнаты и только потом спустилась. Будешь спорить, док?

– Хотела бы, да не могу.

Он огляделся.

– А сюда зашла, может быть, для того, чтобы перекусить.

– Может быть, да. А может быть, нет. В любом случае содержимое желудка не превысило пятидесяти миллиметров, то есть менее двух унций темно-бурой жидкости. Если она что-то и съела, пища к моменту смерти – или, точнее, к моменту нападения – успела полностью перевариться. Острый стресс или страх останавливает пищеварение. Если бы она что-то съела дома, пища осталась бы в желудке.

– Да тут и пожевать-то особенно нечего, – заметил Марино и, словно желая подчеркнуть важность этой детали, открыл холодильник.

Внутри мы увидели сморщенный лимон, два брикетика масла, кусочек заплесневевшего сыра «хаварти», приправы и бутылку тоника. В морозильной камере нашлось несколько упаковок куриных грудок, пара коробок «Ле меню» и рубленый бифштекс. Кулинария, очевидно, не являлась источником удовольствия для Берилл. Это была неизбежная необходимость. Я знала, как выглядит моя собственная кухня. Эта же угнетала своей стерильной чистотой. В просачивающихся через серые жалюзи полосках жидкого света висели редкие пылинки. Раковина и сливная полка были пустыми и сухими. Кухонная техника присутствовала здесь разве что в качестве украшения.

– А может, ей захотелось выпить, – продолжал делиться мыслями Марино.

– Тест на алкоголь отрицательный, – отмела я его предположение.

– Это еще не значит, что малышка не собиралась опрокинуть рюмашку.

Он открыл шкафчик над раковиной. Свободного места на трех полках почти не было: «Джек Дэниелс», «Чивас ригал», «Танкрей» и много еще чего. Мое внимание привлекла бутылка гаитянского рома «Барбанкур» пятнадцатилетней выдержки, стоявшая на верхней полке. Стоил он не меньше марочного шотландского виски.

Я сняла бутылку с полки и поставила ее на стол. Гербовая марка отсутствовала, печать вокруг позолоченной пробки осталась нетронутой.

– Думаю, это ее недавнее приобретение. Скорее всего, купила в Майами.

– То есть привезла с собой из Флориды?

– Наверное. Ясно только, что в выпивке она разбиралась. «Барбанкур» – отличная вещь.

– Тебе, док, виднее, – съязвил Марино. – Ты же у нас знаток.

Бутылка с ромом была чистая, хотя те, что стояли рядом, успели покрыться слоем пыли.

– Возможно, Берилл пришла в кухню именно за этим, – продолжала я. – Отнесла ром. Или подумывала побаловать себя парой глоточков на ночь. И тут в дверь позвонили.

– Может быть. Только это все равно не объясняет, почему она оставила оружие на столе, а не захватила с собой, когда пошла открывать. Она ведь кого-то боялась, верно? Вот почему я склоняюсь к мысли, что дамочка ждала гостей и знала убийцу. Подумай сама, док. Посмотри на все эти дорожные бутылки. Она что же, по-твоему, пила в одиночку? Сомневаюсь. Логичнее предположить, что писательница все же позволяла себе немного развлечься в мужской компании. Может, тот, кого она ждала, ее и пришел.

– Другими словами, ты полагаешь, что убийца тот самый «М»? – спросила я.

– А ты такую возможность исключаешь?

В голосе лейтенанта появились агрессивные нотки. Он все еще мямлил незажженную сигарету, и это потихоньку начинало действовать мне на нервы.

– Я никаких возможностей не исключаю. И вполне, например, допускаю, что она вообще никого не ждала. Принесла в кухню бутылку, поставила на полку и, может быть, раздумывала, стоит ее открывать или нет. Нервничала – отсюда и пистолет на столе. Звонок или стук ее напугал...

– Точно, – перебил меня Марино. – Напугал. Тогда почему она пошла открывать эту чертову дверь, а пистолет оставила на столе?

– Она практиковалась?

– Практиковалась? – Лейтенант удивленно посмотрел мне в глаза. – В чем?

– В стрельбе.

– Черт... не знаю...

– Если Берилл не практиковалась, то еще не выработала в себе рефлекс. Постоянно держать при себе оружие не стало для нее автоматическим и

необходимым действием. Ей приходилось напоминать себе об этом. Многие женщины носят с собой в сумочке газовый баллончик. Тем не менее пользуются им для самозащиты лишь некоторые из них. Остальные вспоминают про баллончик слишком поздно, потому что у них не сформирован навык самозащиты.

– Ну, не знаю...

Марино, может быть, и не знал, но я знала это точно. У меня в сумочке постоянно лежал револьвер «рюгер», заряженный патронами «силвертип» и обладающий огромной убойной силой. Но оружие я носила только потому, что регулярно, по нескольку раз в месяц, ходила в тир. Оставаясь одна дома, я чувствовала себя гораздо увереннее и комфортнее, когда рядом со мной лежал револьвер.

Было и еще кое-что. Я подумала о каминных принадлежностях, которые видела на стойке в гостиной. Там же, в той самой комнате, Берилл отбивалась от убийцы, но при этом ей и в голову не пришло воспользоваться кочергой или лопаткой для угля. У нее отсутствовал защитный рефлекс. Вместо того чтобы обороняться и драться, она предпочла прятаться и убегать. Сначала она убегала в Ки-Уэст, потом – по лестнице в спальню.

– Возможно, она плохо владела оружием, – объяснила я. – Не привыкла к нему. Представь ситуацию. В дверь звонят. Берилл вздрагивает. Ей уже страшно. Так страшно, что она забывает о пистолете. Она идет в гостиную и смотрит в «глазок». Мы не знаем, кого она там увидела, но с ним ее страхи никак не связаны. По крайней мере, Берилл доверяла ему настолько, что впустила в дом. Об оружии она забыла.

– Может, так оно и было. Или же она его ждала, – не уступал Марино.

– Допускаю. Но только при условии, что этот человек знал о ее возвращении.

– Значит, знал.

– И тогда, может быть, он и есть тот самый «М». – Сказав то, что лейтенант так хотел услышать, я поставила бутылку на место.

– Вот именно. Самое разумное объяснение, верно?

Я закрыла шкафчик.

– Ее терроризировали на протяжении нескольких месяцев. Она жила в постоянном страхе. В близкого друга верится с трудом, а появление незнакомого или малознакомого человека развеять ее подозрительность не могло.

Марино насупился, взглянул на часы и полез в карман за ключами. Берилл открыла дверь незнакомцу? Бессмыслица. Но еще бессмысленней предполагать, что такое мог сотворить с ней человек, которому она доверяла. Почему она его впустила? Я снова и снова задавала себе этот вопрос и не находила ответа.

Дом соединялся с гаражом коротким крытым переходом. Солнце уже спряталось за деревьями.

Громко щелкнул замок.

– Я сам зашел сюда только перед тем, как позвонить тебе, – сказал Марино. – Можно, конечно, было бы сделать это и раньше, но зачем? – Он пожал могучими плечами, словно желая убедить меня, что плечи эти при желании способны не только сорвать с петель дверь, но свалить дерево или сдвинуть мусорный контейнер. – Она сюда не заходила с тех самых пор, как уехала во Флориду. Ключ нашли не сразу.

Такого гаража я еще не видела: стены обиты деревянными панелями, на полу – изображение дракона, выложенного дорогой итальянской плиткой.

– Даже не верится, что это предназначалось для гаража. – Я покачала головой.

– Дверь гаражная. – Лейтенант вытащил еще какие-то ключи. – Неплохое местечко, а? И только для того, чтобы ваша тачка не промокла от дождя.

В гараже явно не доставало свежего воздуха и пахло пылью, зато не было ни пятнышка грязи. Отсутствовали и привычные для такого помещения вещи: газонокосилки или другие хозяйственные инструменты. Только в углу нашлось место для щетки и садовых граблей. Гараж скорее напоминал выставочный зал

автосалона, в центре которого красовалась черная «хонда». Сияющая чистотой, машина выглядела совершенно новой, как будто на ней и не ездили.

Марино открыл переднюю дверцу:

– Будьте добры, садитесь.

Я без колебаний опустилась на мягкое сиденье, обтянутое кожей цвета слоновой кости.

Лейтенант отступил от машины.

– Ты просто посиди, ладно? Освойся. Оглядись. Постарайся ее почувствовать. А потом скажи, что приходит на ум.

– Хочешь, чтобы я ее завела?

Марино подал ключ.

– Тогда, пожалуйста, открой гаражную дверь, чтобы мы здесь не задохнулись.

Он нахмурился, оглянулся и, отыскав взглядом панель, нажал нужную кнопку.

Машина завелась, что называется, с пол-оборота. Двигатель сначала рыкнул, потом довольно заурчал. Заработало радио, зашумел кондиционер. Топливный бак был полон на четверть, спидометр показывал, что «хонда» прошла меньше семи тысяч миль, верхний люк оставался в приподнятом положении. На приборной панели лежала квитанция из химчистки, датированная 11 июля, когда Берилл сдала туда юбку и жакет. Вещи она, наверное, так и не успела забрать. На пассажирском сиденье я нашла чек из магазина от 12 июля. В тот день, в десять сорок, Берилл купила кочан салата, помидоры, огурцы, рубленый бифштекс, сыр, пакет апельсинового сока и пачку мятных конфеток. Покупка обошлась ей в десять долларов и тринадцать центов. Сдача с десятки составила восемьдесят семь центов.

Под чеком лежал узкий белый конверт. Пустой. Пустым оказался и светло-коричневый футляр из-под солнцезащитных очков «Рэй-Бэн».

На заднем сиденье я обнаружила теннисную ракетку «Уимблдон» и смятое белое полотенце. По махровой кайме маленькими синими буквами шла надпись «Теннисный клуб “Уэствуд”». Это же название было и на красной виниловой сумочке, лежавшей в шкафу в спальне Берилл.

Верный себе, самое главное Марино приберег «на потом». Я знала, что лейтенант уже все просмотрел и хочет, чтобы я увидела то же самое и высказала свое мнение. То, что он показывал, не было уликами. Убийца не заходил в гараж. Марино бросал приманку. Точнее, размахивал ею передо мной с того момента, когда мы вошли в дом. Меня эта привычка, мягко говоря, постоянно раздражала.

Я выключила двигатель, вышла из машины и толкнула дверцу, которая не захлопнулась, а закрылась, мягко, солидно, едва слышно.

Лейтенант выжидающе смотрел на меня.

– Есть пара вопросов.

– Валяй, док.

– «Уэствуд» – эксклюзивный клуб. Она была его членом?

Кивок.

– Ты проверил, когда она приходила туда в последний раз?

– В пятницу, двенадцатого июля, в десять утра. Занималась с инструктором. Брала один урок в неделю. Больше ни с кем не играла.

– Насколько я помню, Берилл вылетела из Ричмонда рано утром в субботу, тринадцатого июля, и прибыла в Майами в начале первого.

Снова кивок.

– Итак, она позанималась с инструктором и отправилась напрямик в магазин. Потом, вероятно, сходила в банк. Так или иначе, но в какой-то момент после похода в магазин Берилл вдруг решила уехать из города. Если бы она хотела остаться, вряд ли стала бы запасаться продуктами. Съесть купленное она не успела, продукты в холодильник тоже не убрала. Очевидно, выбросила все, кроме бифштекса, сыра и, возможно, мятных конфет.

– Вполне логично, – бесстрастно заметил Марино.

– Футляр от очков и прочие вещи остались на сиденье, – продолжала я. – Радио и кондиционер включены. Люк приоткрыт. Получается, что Берилл въехала в гараж, выключила двигатель и, не снимая очков, прошла в дом. Вопрос: не случилось ли что-то за то время, пока она возвращалась из теннисного клуба?

– Точно, док. У меня на этот счет сомнений нет. Обойди машину. Посмотри с другой стороны. Обрати внимание на дверцу.

Я обошла.

И все мои мысли тут же раскатились, как шары на бильярдном столе. На блестящей черной краске прямо под ручкой кто-то процарапал имя «Берилл» и заключил его в сердечко.

– Ничего себе шуточка, а? Из разряда тех, от которых мороз по коже.

– Если он сделал это, пока машина стояла на стоянке у клуба или возле магазина, его могли заметить. Скорее всего, заметили бы.

– Наверное. А раз не заметили, значит, он сделал это раньше. – Марино помолчал, сосредоточенно рассматривая рисунок. – Ты, док, давно смотрела на свою дверцу с другой стороны?

Несколько дней назад? Или даже неделю?

– Наша дамочка отправилась в бакалейный. – Лейтенант прикурил наконец проклятую сигарету. – Купила не так уж много. – Он жадно, глубоко затянулся. – Скорее всего, покупки поместились в один пакет, так? Моя жена, когда у нее

один или два пакета, обычно ставит их на коврик или на свободное переднее сиденье. Вот и Берилл, наверное, обошла машину, чтобы открыть дверцу и поставить пакет. Стала открывать дверцу и увидела эту надпись. Может быть, она знала, что послание ей оставили в тот самый день. Может, не знала. Не важно. Но испугалась девочка сильнее некуда. Запаниковала. Что она делает дальше? Мчится домой или, возможно, в банк. Заказывает билет на ближайший рейс из Ричмонда и летит во Флориду.

Выйдя из гаража, мы направились к машине лейтенанта. Уже наступили сумерки, и температура воздуха быстро падала. Марино завел мотор, а я еще раз посмотрела на дом Берилл Мэдисон. Его острые углы размывала темнота, со стены смотрели черные провалы окон.

Внезапно над входом и в гостиной загорелся свет.

– Вот черт! – пробормотал Марино. – Так и напугать можно.

– Таймер, – сказала я.

– Все равно не смешно.

2

В долгом пути до дома меня сопровождала повисшая над Ричмондом полная луна. Свет фар выхватывал из темноты припозднившихся шутников с отвратительно корчившимися масками. Наверняка звонили сегодня и в мою дверь. В канун Дня Всех Святых мой дом пользовался особой популярностью, поскольку я, не имея собственных детей, всегда щедро одаривала конфетами соседских. Припасенные заранее и оставшиеся нераспакованными четыре пакета со сладостями придется раздать утром сотрудникам.

Телефон зазвонил, когда я только поднималась по ступенькам, но мне все же удалось схватить трубку до включения автоответчика. Голос показался сначала незнакомым.

– Кей? Это Марк. Слава богу, ты дома.

У меня перехватило дыхание.

Ощущение было такое, что Марк Джеймс говорил как будто со дна пустой цистерны. Звуковым фоном служил шум проносящихся машин.

– Где ты? – с трудом проговорила я, понимая, что не смогла скрыть нервозность.

– На Девяносто пятой, примерно в пятидесяти милях к северу от Ричмонда.

Я опустилась на край кровати.

– В телефонной будке, – продолжал Марк. – Объясни, как к тебе проехать. – В трубке зашумело, и он сделал паузу. – Мне нужно срочно с тобой повидаться. Я провел всю неделю в Вашингтоне, сегодня несколько раз пытался до тебя дозвониться, в конце концов решил рискнуть и взял машину. Ты не против?

Что я могла ответить?

– Посидим, выпьем, вспомним былое, – бубнил он. Тот, кто когда-то разбил мое сердце. – Я уже заказал номер в «Рэдиссоне». Завтра утренним рейсом вернусь в Чикаго. Подумал, что... Вообще-то мне нужно кое-что с тобой обсудить.

Обсуждать что-то с Марком? Я не представляла, что? мы можем обсуждать.

– Так ты не против? – снова спросил он.

Конечно, я была против! Еще как против!

– Разумеется, Марк. Буду рада тебя видеть.

Дав необходимые инструкции, я положила трубку и прошла в ванную: освежиться и подумать. Пятнадцать лет назад мы вместе учились в Школе права. Немалый срок. Золото волос потускнело под дымкой пепла. Голубизна глаз утратила сияние и блеск. За все эти годы мы ни разу не виделись.

Беспристрастное зеркало ежедневно напоминало, что мне уже никогда не будет тридцать девять и что существует такая штука, как подтяжка лица. Марк остался в моей памяти двадцатичетырехлетним парнем, таким, каким и был в тот год, когда стал объектом страсти и зависимости, которые и привели меня в конце концов к полнейшему отчаянию. После того как все кончилось, у меня не осталось ничего, кроме работы.

Оказалось, что он по-прежнему быстро ездит и любит красивые автомобили. Не прошло и сорока пяти минут, как я открыла переднюю дверь и увидела его выходящим из взятого напрокат «стерлинга». Передо мной был тот Марк, каким я его помнила: подтянутый, высокий, с уверенной походкой. Легко взбежав по ступенькам, он сдержанно улыбнулся. Мы неуклюже обнялись и на секунду задержались в фойе, немного смущаясь и не зная, что сказать друг другу.

– По-прежнему предпочитаешь скотч? – спросила наконец я.

– В этом отношении ничего не изменилось, – ответил он, следуя за мной.

Достав из бара бутылку «Глен», я машинально приготовила скотч точно так, как готовила его много лет назад: на два пальца виски, лед и немного сельтерской. Двигаясь по кухне, я ощущала на себе его взгляд. Марк кивнул, взял стакан и, опустив глаза, медленно покачал его, как делал всегда в минуты напряжения. А я смогла наконец как следует рассмотреть знакомое лицо. Тонкие черты, высокие скулы, ясные серые глаза – все осталось прежним, и только на висках проступила седина.

Мой взгляд скользнул на кружащийся в стакане кусочек льда.

– Так ты работаешь в какой-то чикагской фирме?

Он откинулся на спинку стула, поднял голову и кивнул.

– Занимаюсь апелляциями, иногда выступаю в суде. Некоторое время назад случайно наткнулся на Дайснера. От него и узнал, что ты в Ричмонде.

Дайснер занимал в Чикаго должность главного судмедэксперта. Мы встречались на нескольких конференциях и даже работали в каком-то комитете. Он ни разу

не упомянул, что знает Марка Джеймса. Откуда Дайснеру стало известно о нашем давнем знакомстве, для меня было загадкой.

Словно прочитав мои мысли, Марк объяснил:

– Я как-то рассказал ему, что знаю тебя по Школе права, и теперь он сам при случае всегда старается уколоть меня этим.

В это я могла поверить. Дайснер не отличался деликатностью, был агрессивен, как молодой козел, и не питал симпатии к адвокатам. Некоторые из его реплик и выходок в зале суда даже стали легендами.

– Как и большинство судмедэкспертов, Дайснер был склонен принимать сторону обвинения, и каждый, кто представляет убийцу, по его мнению, был плохим парнем. Он частенько разыскивает меня только для того, чтобы поведать о твоей очередной публикации или каком-нибудь жутком деле с твоим участием. Доктор Скарпетта. Знаменитая доктор Скарпетта. – Марк рассмеялся, но глаза его остались серьезными.

– Несправедливо говорить, что мы, судмедэксперты, всегда принимаем сторону обвинения, – ответила я. – Такое впечатление создается из-за того, что, когда улики на стороне защищающей стороны, дело просто не доходит до суда.

– Кей, я и сам все прекрасно знаю, – заметил он с легкой досадой, как человек, чью шутку просто не поняли. – Мне ясна твоя позиция. И на твоём месте я бы тоже стремился к тому, чтобы посадить всех этих ублюдков на горячую сковороду и отправить в пекло.

– Да, Марк, тебе ясна моя позиция, – начала я и остановилась.

Боже, все тот же старый спор. Невероятно. Мы пробыли вместе меньше пятнадцати минут, а уже схватились из-за того, из-за чего когда-то разошлись. Именно в этом вопросе нам никогда не удавалось достичь согласия. К тому времени когда мы познакомились в Джорджтаунской школе права, я уже была доктором медицины и вдоволь насмотрелась на темную сторону жизни, видела жестокость и трагедии невинных. Я своими руками прикасалась к окровавленным останкам. Для Марка же, блестящего выпускника престижного университета ассоциации «Лиги плюща», наихудшим преступником был тот, кто

поцарапал гвоздем крыло его «ягуара». Адвокатом он собирался стать только потому, что адвокатами были его отец и дед. Я была католичкой – Марк протестантом. Я итальянкой – он англосаксом до мозга костей. Я выросла в бедной семье – Марк в одном из престижных кварталов Бостона. Когда-то я верила, что наш союз освящен Небесами.

– Ты не изменилась, Кей. Все такая же. Разве что, пожалуй, стала решительней. Жестче. Не хотел бы я столкнуться с тобой в суде.

– Я себя жесткой не считаю.

– Не принимай за критику. Я лишь хотел сказать, что выглядишь ты потрясающе. – Он пробежал взглядом по кухне. – Похоже, у тебя все в порядке. Счастлива?

– Мне нравится в Вирджинии. – Я отвела глаза. – Жаловаться не приходится. Разве что на зимы. Но Чикаго в этом отношении даст Ричмонду сто очков вперед. Там ведь зима шесть месяцев в году. И как только ты такое выносишь?

– Сказать по правде, до сих пор не привык. Тебе бы там не понравилось. Такой тепличный цветок, как ты, не протянул бы в Чикаго и месяца. – Он сделал глоток скотча. – Не замужем?

– Была.

– Хм-м-м. – Он наморщил лоб, припоминая что-то. – Тони... как же его? Помню, ты начала с ним встречаться... Да, Бенедетти. Не ошибся? Ты начала встречаться с ним на третьем курсе.

Вообще-то Марк меня удивил. Не думала, что он заметил. И уж тем более помнит.

– Мы развелись. Давно.

– Сочувствую, – тихо сказал он.

Я потянулась за стаканом.

– Встречаешься с кем-нибудь? – спросил Марк. – Есть на примете приятный парень?

– В данный момент ни с кем не встречаюсь И на примете никого нет. Ни приятных, ни иных.

Раньше бы Марк рассмеялся. Сейчас лишь сухо заметил:

– Я едва не женился пару лет назад, но не сложилось. Точнее, если уж быть честным до конца, в последний момент я просто запаниковал.

Мне как-то не верилось, что Марк так ни разу и не женился. И он снова будто прочел мои мысли.

– Это случилось уже после смерти Джанет. – Он помолчал, потом добавил: – Она умерла.

– Джанет?

Тающий кусочек льда застучал о стенку стакана.

– Мы познакомились уже после Джорджтауна, в Питсбурге. Она работала адвокатом по налоговым делам в одной фирме.

Я пристально посмотрела на него, удивленная тем, что вижу. Марк изменился. Та внутренняя сила, что когда-то привлекла меня к нему, ощущалась в нем и теперь, но стала иной. Может быть, более темной.

– Дорожное происшествие, – пояснил он. – Субботний вечер. Джанет отправилась за попкорном. Мы собирались посмотреть какой-то фильм. Пьяный водитель вылетел на ее полосу. У него даже фары не горели.

– Господи, Марк. Мне очень жаль. Это ужасно.

– Прошло уже восемь лет.

– Детей не было? – тихо спросила я.

Он покачал головой.

Некоторое время мы оба молчали.

– Моя фирма открывает представительство в округе Колумбия, – сказал Марк, когда наши взгляды встретились.

Я промолчала.

– Не исключено, что меня переведут туда. В последнее время творится что-то невероятное. Настоящая экспансия. Взяли сотню с лишним юристов, открыли офисы в Нью-Йорке, Атланте, Хьюстоне.

– И когда собираешься переехать? – спокойно спросила я.

– Думаю, к началу следующего года.

– Так ты уже твердо решил?

– Понимаешь, Кей, я сыт по горло этим чертовым Чикаго. Надо сменить обстановку. Хотел предупредить тебя заранее, поэтому и приехал. Ну, есть и еще одна причина, но эта главная. Представляешь, я перебираюсь в Ди-Си[2 - Имеется в виду Вашингтон, округ Колумбия. (Прим. ред.)] и мы сталкиваемся в каком-нибудь ресторане или театре. Я буду жить в Северной Вирджинии, у тебя офис в Северной Вирджинии. Всякое случается. Мне бы не хотелось сюрпризов.

Я представила себе, как сижу в Центре Кеннеди и замечаю впереди Марка, склонившегося к ушку своей миленькой юной подружки. Старая боль напомнила о себе, и я ощущала ее почти физически. У Марка соперников не было – все мои эмоции сфокусировались исключительно на нем. Поначалу какая-то часть меня понимала, что чувство это не было взаимным. Потом смутное ощущение сменилось уверенностью.

– Это главная причина, – повторил он тоном адвоката, приступающего к изложению сути дела в суде. – Но есть и кое-что еще, не имеющее никакого

отношения к нам лично.

Я молчала.

– Пару дней назад, здесь, в Ричмонде, убили одну женщину. Берилл Мэдисон...

Очевидно, я не смогла скрыть изумления, и Марк остановился.

– Мне в отель позвонил Бергер, один из наших партнеров. Он-то все и рассказал. Я хочу поговорить с тобой о...

– Но ты-то здесь при чем? – не выдержала я. – Ты ее знал?

– Немного. Встречался однажды, прошлой зимой в Нью-Йорке. Наш нью-йоркский офис специализируется на делах, связанных со сферой развлечений. У Берилл возникли проблемы с публикацией, споры по контракту, и она обратилась к «Орндорфф и Бергер», чтобы урегулировать разногласия. Так случилось, что я оказался в Нью-Йорке в тот самый день, когда мисс Мэдисон встречалась со Спарачино, юристом, который вел ее дело. Спарачино и пригласил меня на ланч с Берилл в «Алгонкине».

– Если упомянутый тобой спор может иметь пусть даже отдаленное отношение к ее убийству, тебе надо разговаривать не со мной, а с полицией, – раздраженно и уже начиная злиться, заявила я.

– Кей, в моей фирме никто не знает, что я разговариваю с тобой, понимаешь? Бергер позвонил мне совсем по другому вопросу. В ходе разговора он ненароком упомянул об убийстве Берилл Мэдисон, попросил просмотреть местные газеты, поискать информацию.

– Отлично. Иначе говоря, он попросил тебя выудить все, что можно, у бывшей... – Я почувствовала, что краснею, по щеке поднималось тепло. У кого у бывшей? Как меня правильно назвать?

– Все совсем не так. – Тем не менее Марк отвел взгляд. – Я думал о тебе раньше... Собирался позвонить еще до разговора с Бергером. До того, как узнал о Берилл. Черт возьми, я дважды снимал трубку, чтобы набрать твой номер. Но

не смог. И может быть, так и не позвонил бы, если бы Бергер не рассказал, что случилось. Считай, что Берилл стала поводом для звонка. Да, признаю. Но все было не так, как ты думаешь...

Я уже не слушала. Обиднее всего было то, что мне очень хотелось ему поверить.

– Если твоя фирма проявляет интерес к ее убийству, скажи, в чем именно заключается этот интерес.

Он ненадолго задумался.

– Не уверен, что наш интерес в данном случае имеет законное основание. Дело скорее личное. В некотором смысле это вопрос чести. Для тех из нас, кто знал ее живой, убийство стало шоком. Могу также сказать, что юридический спор, одной из сторон в котором выступала Берилл Мэдисон, касается подписанного восемь лет тому назад контракта. На нее оказывалось очень сильное давление. Случай крайне запутанный. В деле замешан Кэри Харпер.

– Романист? – недоуменно спросила я. – Тот самый Кэри Харпер?

– Как ты, наверное, знаешь, он живет неподалеку отсюда, в каком-то особняке в стиле восемнадцатого века. Да, Катлер-Гроув. Это на реке Джеймс, в Уильямсберге.

Я попыталась вспомнить, что знаю о Кэри Харпере, написавшем лет двадцать назад роман и получившем за него Пулитцеровскую премию. Легендарный затворник. Живет с сестрой. Или с тетей? Одно время о личной жизни знаменитости ходило немало самых разных слухов. Упорное нежелание Харпера давать интервью и принимать у себя журналистов порождало все новые и новые предположения.

Я закурила.

– Так и не бросила, – заметил Марк.

– Для этого потребовалось бы удаление лобной доли.

– В общем, мне известно немного. Когда-то – Берилл было тогда лет около двадцати – у нее установились с Харпером некие отношения. Она даже жила с ним и его сестрой в одном доме. Берилл прочили блестящее будущее, к тому же она как будто заменила Харперу дочь, которой у него никогда не было. Стала его протеже. При его содействии ей удалось в двадцать два года опубликовать первый, весьма посредственный, роман под псевдонимом Стрэттон. Харпер даже согласился дать отзыв на обложку – несколько слов об открытом им талантливом авторе. Многие восприняли такой шаг современного классика с откровенным недоумением. Роман был не столько литературным произведением, сколько коммерческим проектом, а сам Харпер к тому времени ничего не писал уже более десяти лет.

– Но какое отношение это все имеет к спору из-за контракта?

Марк соорил кислую гримасу.

– Харпер, может быть, и простофиля, клюнувший на удочку юной обольстительницы, но он еще и дьявольски скрытен. Прежде чем запустить первую книгу мисс Мэдисон, он вынудил девушку подписать контракт, запрещавший публиковать какие-либо материалы о нем самом и отношениях с ним Берилл до смерти его самого и его сестры. Сейчас ему нет и шестидесяти, сестра на пару лет старше. Фактически контракт связывал Берилл пожизненно и не давал ей возможности написать мемуары, потому что она не могла это сделать, выбросив из них этого самого Харпера.

– Написать-то могла, – сказала я. – Только вряд ли они стали бы продаваться.

– Вот именно.

– Почему Берилл пользовалась псевдонимами? Это тоже было частью договоренности с ее покровителем?

– Думаю, да. Полагаю, Харпер хотел, чтобы Берилл оставалась его маленьким секретом. Он обеспечил ей литературный успех, но не спешил делиться ею с миром. Имя Берилл Мэдисон почти никому не известно, хотя книги ее пользовались спросом и приносили доход.

– Если я правильно тебя поняла, мисс Мэдисон намеревалась нарушить условия контракта и поэтому обратилась за советом к «Орндорфф и Бергер»?

Марк приложился к стакану.

– Позволь напомнить, что она не была моим клиентом и, следовательно, всех деталей этого дела я не знаю. У меня сложилось впечатление, что Берилл исписалась, исчерпала прежнюю тему и решила сотворить нечто значительное. Здесь мы подходим к тому, что ты, вероятно, уже знаешь. Очевидно, у нее возникли какие-то проблемы, ее запугивали, ей угрожали...

– Когда это началось?

– Прошлой зимой, примерно в то время, когда я познакомился с ней на том самом ланче. Где-то в конце февраля.

– Продолжай, – попросила я. История получалась интересная.

– Берилл понятия не имела, кто ее преследует. Началось ли это до того, как она взялась за воспоминания, или уже после, точно определить невозможно.

– И как же она собиралась обойти запрет на публикацию?

– Сомневаюсь, что ей удалось бы это сделать. Тактика Спарачино состояла в том, чтобы предложить Харперу выбор. Он мог бы дать согласие на публикацию, сотрудничать с автором и в результате обеспечить полную безопасность конечного продукта. Другими словами, Харпер получил бы ограниченное право на цензуру. В противном случае он повел бы себя как сукин сын, и тогда Спарачино прошелся бы по нему в газетах, «Шестидесяти минутах» и еще где только можно. Ситуация для Харпера складывалась незавидная. Он, конечно, мог бы подать на Берилл в суд и ее обязали бы выплатить штраф, но больших денег, по крайней мере в его понимании, у нее не было. К тому же скандал только поднял бы спрос на мемуары. Как ни поверни, Харпер оставался в проигрыше.

– Разве он не мог добиться судебного запрета на публикацию?

– Это повлекло бы за собой слишком много шума. Да и остановка тиража дело дорогое. Пришлось бы раскошелиться на несколько миллионов.

– И вот теперь Берилл мертва. – Я положила дымящуюся сигарету в пепельницу. – Книга, полагаю, не закончена. Харпер может ни о чем не тревожиться. Ты к этому клонишь, Марк? Харпер причастен к убийству?

– Я всего лишь знакомлю тебя с подоплекой нашего дела.

Он смотрел на меня ясными, чистыми глазами. Порой – я знала это по собственному опыту – они могли быть невероятно непроницаемыми.

– Что думаешь?

Мне показалось весьма странным, что Марк поделился со мной такими подробностями. Не важно, что Берилл не была его клиенткой. Согласно кодексу профессиональной этики юриста, сведения, полученные одним сотрудником фирмы, доступны только тем, кто в ней работал. Он практически преступил запретную черту, что было совершенно несвойственно тому осторожному и осмотрительному Марку Джеймсу, которого я помнила. С таким же успехом он мог бы заявиться ко мне домой с выставленной напоказ татуировкой.

– Думаю, тебе стоит поговорить об этом с лейтенантом Марино. Расследованием занимается он. Или, что еще лучше, я сама передам ему все, о чем ты рассказал. В любом случае он выйдет на вашу фирму, чтобы задать несколько вопросов.

– Отлично. Никаких проблем.

Мы помолчали. Я откашлялась.

– Какой она была?

– Я уже говорил, что видел ее только один раз. Но Берилл Мэдисон не из тех, кто легко забывается. Энергичная, остроумная, привлекательная, вся в белом. Чудный белоснежный костюм. На мой взгляд, довольно сдержанная. Тайн она хранила немало. В ней ощущалась непостижимая глубина. И еще она много пила. По крайней мере, в тот день. Пропустила за ланчем три коктейля. Помню,

мне это показалось несколько чрезмерным, учитывая довольно раннее время. Но, может быть, это был единственный случай. Нервы, неприятности, напряжение... Случившееся не доставляло Берилл удовольствия, и к «Орндорфф и Бергер» она обратилась лишь по необходимости. Нисколько не сомневаюсь, что тот спор с Харпером ужасно ее угнетал.

– Что она пила?

– Извини?

– Три коктейля. Что именно она пила?

Марк нахмурился, потер щеку.

– Черт возьми, не помню. А это важно?

– Пока не знаю, – сказала я, припоминая, что видела в шкафчике. – Берилл рассказывала об угрозах в свой адрес? Я имею в виду – в твоём присутствии?

– Да, рассказывала. И Спарачино тоже упоминал об этом. Насколько я помню, она получала телефонные звонки весьма специфического характера. Звонил всегда один и тот же голос. Незнакомый. Так она, по крайней мере, говорила. Речь шла и о каких-то других странных событиях. Деталей не помню – как-никак почти год прошел.

– Она вела учет этих странных событий? Записывала их?

– Не знаю.

– И никаких предположений, кто и почему это делал?

– Мне показалось, что никаких. – Марк отодвинул стул.

Время приближалось к полуночи. Я уже проводила его до дверей, как вдруг кое-что вспомнила.

– Спарачино. Как его зовут?

– Роберт.

– А под инициал «М» он никак не подходит?

– Нет. – Марк удивленно посмотрел на меня.

Пауза затягивалась.

– Будь осторожнее за рулем.

– Спокойной ночи, Кей, – ответил он, задержавшись у двери.

Может быть, все дело в воображении, но в какой-то момент мне показалось, что Марк намеревается меня поцеловать. В следующую секунду он повернулся и сбежал по ступенькам крыльца. Вернувшись в дом, я услышала звук отъезжающего автомобиля.

Следующее утро выдалось, как всегда, суматошным. На «летучке» Филдинг сообщил, что на руках у нас пять вскрытий, включая «плавуна», то есть выловленное в реке и сильно разложившееся тело. Перспектива заниматься им, естественно, никого не обрадовала. Ричмонд прислал нам двух жертв последних перестрелок, одну из которых я успела осмотреть до поездки в суд, где выступила в качестве эксперта. Из суда – в медицинский колледж, на ланч с подшефными студентами. И все это время из моей головы не выходил разговор с Марком Джеймсом. Чем больше я старалась не думать о нем, тем чаще мысли возвращались к разговору с Марком. Он был осторожен. Упрям. Скрытен. Выйти на контакт после десяти лет молчания – это было несвойственно Марку.

После ланча я наконец не выдержала и позвонила Марино.

– Как раз собрался звякнуть, – начал лейтенант, не дав мне произнести и пары слов. – Я уже выхожу. Мы могли бы встретиться в офисе Бентона? Скажем, через час-полтора?

– А в чем дело? – Я еще не успела сказать ему, зачем звоню.

– Мне тут попали в руки заявления Берилл. Подумал, что ты тоже захочешь их увидеть.

Он положил трубку, как всегда, не попрощавшись.

В назначенное время я проехала по Ист-Грейс-стрит и припарковалась на платной автостоянке неподалеку от пункта назначения. Современное десятиэтажное офисное здание высилось маяком над унылым берегом, забитым выдающими себя за антикварные магазинами, лавчонками и крохотными этническими забегаловками, хвастающими «экзотической» кухней. По выщербленным тротуарам струились неспешные ручейки прохожих.

Задержавшись на минуту у проходной, я вошла в лифт и, поднявшись на пятый этаж, направилась к незаметной деревянной двери в конце коридора. Местонахождение ричмондского отделения ФБР держалось в большом секрете, и его офис был столь же непримечателен и скромен, как и агенты в штатском. Сидевший за столом в фойе молодой человек разговаривал по телефону. При моем появлении он прикрыл трубку ладонью и вопросительно вскинул брови. Я объяснила причину визита и получила предложение подождать.

Фойе было маленькое и обставлено в типично мужском стиле: мебель обита толстой темно-синей кожей, на кофейном столике разбросаны спортивные журналы. Фотографии бывших директоров ФБР на стене напоминали встречающийся в полицейских участках стенд «Их разыскивает полиция». Рядом висели обрамленные рамками почетные грамоты за служебные успехи и бронзовая табличка с именами сотрудников, погибших при исполнении служебных обязанностей. Дверь то и дело открывалась, и мимо, не удостоивая меня взглядом, проходили высокие, подтянутые мужчины в темных костюмах и солнцезащитных очках.

Бентон Уэсли, может быть, и был отлит по тому же казенно-прусскому образцу, что и остальные, но за годы нашего знакомства заслужил мое уважение. За стандартной внешностью скрывалась интересная личность. Переполюнявившая Бентона энергия ощущалась даже сейчас, когда он сидел за письменным столом в неизменных темных брюках и белой накрахмаленной рубашке. Модный узкий галстук повязан идеальным узором, на ремне – черная кобура со служебным

пистолетом. В офисе Уэсли носил оружие очень редко. Мы с ним давненько не встречались, но он не изменился: по-спортивному подтянут, по-мужски хорош собой. Что неизменно меня удивляло, так это преждевременная седина на висках.

– Извините, что заставил ждать. – Бентон улыбнулся.

У него было крепкое, уверенное рукопожатие, без малейших претензий на «мужественность». Некоторые из знакомых мне юристов и копов любят произвести впечатление, сжимая пальцы до хруста в костях.

– Марино здесь, – продолжал Бентон. – Мы уже уточнили с ним кое-какие детали и теперь готовы выслушать ваше мнение. – Он придержал дверь, пропуская меня в кабинет, и отправился за кофе.

– Компьютер ожил только вчера вечером, – сказал Марино. Удобно устроившись в кресле, он разглядывал новенький револьвер.

– Компьютер? Какой еще компьютер? – Неужели опять забыла сигареты? К счастью, нет. Как всегда, пачка оказалась на самом дне сумочки.

– Тот самый, в управлении. Чертова железяка постоянно ломается. В общем, я получил наконец копии заявлений. Интересные сочинения. По крайней мере, на мой взгляд.

– Заявления Берилл? – уточнила я.

– Точно. – Он положил револьвер на стол. – Занятная вещица. Везет же людям. Бентон получил его в качестве приза на прошлой неделе, когда ездил на совещание в Тампу. А я и двух баксов в лотерею ни разу не выиграл.

Стол Бентона был завален бумажками, папками, видеокассетами и большими пухлыми конвертами, вероятно, с фотографиями и отчетами по преступлениям, которые полиция сочла достойным внимания ФБР. За стеклом на полке красовались устрашающего вида образцы оружия – сабля, кастеты, африканское копье, самодельный пистолет, – охотничьи трофеи и подарки от благодарных протеже. Одна слегка пожелтевшая фотография демонстрировала Уильяма

Уэбстера[3 - У э б с т е р Уильям Х е д ж к о к – государственный деятель, юрист. В 1978–1987 гг. – директор Федерального бюро расследований.], пожимающего руку Бентону на вертолетной площадке в Квантико. Ничто в кабинете не указывало на то, что у его хозяина есть жена и трое детей. Агенты ФБР, как и большинство полицейских, ревниво охраняют от посторонних свою частную жизнь, особенно если часто имеют дело со злом и ощущают на себе весь его ужас. Уэсли был профайлером, составлял психологические портреты подозреваемых и знал, что такое рассматривать фотографии изуродованных немыслимым образом жертв, а потом посещать места заключения и смотреть в глаза всяким Чарльзам Мэнсонам[4 - Ч а р л ь з Миллз М э н с о н (род.?1934) – американский преступник, лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 г. совершили ряд жестоких убийств. (Прим. ред.)] и Тедам Банди[5 - Теодор Роберт «Т е д» Б а н д и (1946–1989) – американский серийный убийца, известный под прозвищем «нейлоновый убийца». Точное число его жертв неизвестно: оно колеблется в пределах от 26 до более 100, общее количество преступлений – 35. Банди был признан виновным в десятках убийств и казнен на электрическом стуле во Флориде. (Прим. ред.)].

Бентон вернулся с двумя пластмассовыми чашками горячего кофе для меня и Марино. Он никогда не забывал, что я предпочитаю черный и что мне нужна пепельница.

Марино взял с колен тонкий конверт с копиями заявлений и начал их рассматривать.

– Начнем с того, что зарегистрированных заявлений всего три. Первое датировано понедельником, одиннадцатого марта. Поступило в половине десятого утра. Накануне вечером Берилл Мэдисон позвонила в службу «911» и попросила, чтобы к ней домой прислали полицейского. Сказала, что хочет подать жалобу. На звонок отреагировали не сразу, что и неудивительно, поскольку вечером дел у копов хватает и на улице. На следующее утро к ней отправили полицейского, э-э... Джима Рида, с пятилетним стажем службы. – Лейтенант вопросительно взглянул на меня.

Я покачала головой – имя Джима Рида было мне незнакомо.

– Согласно отчету Рида, заявительница пребывала в очень возбужденном состоянии. Утверждала, что накануне – то есть в воскресенье – в восемь пятнадцать вечера получила телефонный звонок угрожающего характера.

Голос, опознанный мисс Мэдисон как принадлежащий мужчине, скорее всего белому, произнес следующее: «Держу пари, Берилл, ты по мне скучаешь. Но я всегда слежу за тобой, хотя ты меня и не видишь. Я наблюдаю за тобой. Ты можешь убежать, но не спрятаться». Далее, по утверждению заявительницы, неизвестный сказал, что видел, как она утром того же дня покупала газету перед магазином «7-11». Звонивший рассказал, как она была одета – «в красный облегающий костюм и без лифчика». Мисс Мэдисон подтвердила, что в воскресенье утром, примерно около десяти, действительно заезжала в «7-11» и была одета так, как описал звонивший. Она припарковалась возле магазина, купила в автомате «Вашингтон пост» и уехала, не заходя в магазин. Знакомых или подозрительных лиц заявительница не заметила. Мисс Мэдисон была очень расстроена случившимся и утверждала, что за ней, вероятно, кто-то следил. На вопрос, замечала ли она признаки слежки раньше, заявительница ответила отрицательно.

Марино перевернул страницу.

– Рид доложил, что мисс Мэдисон неохотно поделилась подробностями высказанной в ее адрес угрозы. В ответ на прямой вопрос она сообщила, что незнакомец говорил непристойности и даже сказал, что, когда он представляет ее без одежды, в нем просыпается желание убить ее. После этого, по словам мисс Мэдисон, она положила трубку.

Лейтенант пристроил отчет на край стола.

– И что же посоветовал ей офицер Рид? – спросила я.

– Ничего особенного. Посоветовал вести учет звонков, записывать дату, время и ход разговора. Держать двери на замке, закрывать окна, подумать об установке сигнализации. При обнаружении подозрительных машин поблизости от дома записывать их регистрационные номера и звонить в полицию.

Я вспомнила, что говорил Марк о впечатлении от встречи с Берилл в прошлом феврале.

– Она не упомянула, был ли тот звонок от одиннадцатого марта первым или угрозы поступали и раньше?

Ответил Уэсли. Он взял отчет, пробежал взглядом страницу и покачал головой:

– Очевидно, поступали. Рид пишет, что звонки угрожающего характера поступали с начала года, но мисс Мэдисон не сообщила о них в полицию. Похоже, они были довольно редкими и не содержали конкретных деталей угрожающего характера.

– Она утверждала, что раньше ей звонил тот же самый человек?

– По ее словам, голос звучал так же, мягко и артикулированно, – ответил Марино, – и принадлежал белому мужчине. Ни у кого из ее знакомых такого голоса не было. Так, по крайней мере, она сказала. – Лейтенант развернул второй отчет. – Во вторник, в семь восемнадцать вечера, мисс Мэдисон позвонила офицеру Риду на пейджер и попросила срочно с ней встретиться. Он приехал к ней домой в начале девятого. Заявительница опять-таки пребывала в состоянии сильного возбуждения. Сообщила, что получила еще один звонок угрожающего характера и сразу же набрала номер пейджера Рида. Тот же голос, тот же мужчина. Содержание сообщения примерно такое же, что и раньше.

Марино начал читать отчет:

– «Я знаю, что ты скучаешь по мне, Берилл. Скоро я приду за тобой. Я знаю, где ты живешь, знаю о тебе все. Ты можешь убежать, но не спрятаться». Потом он сказал, что видел ее в новой машине, черной «хонде», и что это он сломал антенну накануне вечером, когда она припарковалась у дома. Заявительница подтвердила, что действительно оставляла машину возле дома и что утром во вторник обнаружила сломанную антенну. Антенна была сильно погнута и не работала. Рид осмотрел «хонду». Факт поломки им подтвержден.

– Какие меры принял офицер Рид? – спросила я.

Марино перевернул страницу.

– Посоветовал ставить машину в гараж. Мисс Мэдисон ответила, что никогда не пользовалась гаражом и собиралась переоборудовать его в офис. Он порекомендовал обратиться к соседям и спросить, заметили ли они что-то необычное. Далее Рид пишет, что мисс Мэдисон осведомилась, может ли она

приобрести огнестрельное оружие.

– И все? А как насчет тех записей, что он попросил ее вести? Там что-нибудь о них говорится?

– Нет. В конфиденциальной части отчета сделана следующая приписка: «Реакция заявительницы на сломанную антенну представляется чрезмерной. Она была крайне расстроена и допустила оскорбление в адрес офицера». – Марино поднял голову. – Другими словами, Рид хочет сказать, что он не поверил ей. Может, она сломала антенну сама, а ерунду насчет звонков и угроз просто сочинила.

– Господи... – пробормотала я. – Какая глупость!

– Эй, док, подожди-ка с обвинениями. Ты же не представляешь, сколько таких жалоб поступает в полицию каждый день. Дамочки звонят постоянно. То к ним пристают, то их режут, то насилуют. Некоторые просто все выдумывают. Тормоза полетели, вот и захотелось внимания.

Разумеется, я все это прекрасно знала. Знала о выдуманных хворях и недомоганиях, проблемах с адаптацией и маниях, заставляющих людей не просто изобретать, но и причинять себе реальные увечья и страдания. Так что лекция Марино была лишней.

– Продолжайте. Что дальше?

Лейтенант положил на стол второй отчет и открыл третий.

– Шестого июля, в воскресенье, Берилл позвонила Риду в пятнадцать минут двенадцатого. Он приехал к ней домой в четыре часа дня. Заявительница встретила его откровенно враждебно и...

– Да уж, – бросила я. – Она прождала его едва ли не пять часов.

Марино пропустил мою реплику мимо ушей.

– Мисс Мэдисон заявила, что незнакомец позвонил ей в одиннадцать и сказал буквально следующее: «Все еще скучаешь, Берилл? Уже скоро. Я приходил за тобой прошлой ночью, но тебя не было дома. Осветлила волосы? Надеюсь, что нет». Мисс Мэдисон, по ее словам, попыталась поговорить с ним. Умоляла оставить ее в покое, спрашивала, кто он такой и почему ее преследует. Этот мерзавец ничего не ответил и повесил трубку. Мисс Мэдисон подтвердила, что предыдущим вечером ее действительно не было дома. На вопрос, где она провела ночь, мисс Мэдисон не ответила и сказала лишь, что уезжала из города.

– И чем же на этот раз ваш доблестный офицер Рид помог бедной женщине?

Марино посмотрел на меня пустыми глазами.

– Посоветовал завести собаку, на что она заявила, что не переносит животных из-за аллергии.

Уэсли открыл папку.

– Кей, ты оцениваешь события в свете ужасного преступления, случившегося по прошествии нескольких месяцев. Рид же рассматривал их с другой точки зрения. Попробуй поставить себя на его место. Молодая женщина живет одна. Время от времени с ней случаются приступы истерии. Рид делает все, что в его силах, даже дает ей номер своего пейджера. Реагирует быстро, по крайней мере сначала. Она же ведет себя уклончиво, на прямые вопросы не отвечает. Никаких доказательств не представляет. Поверь мне, тут бы любой засомневался.

– Окажись я в положении Рида, – вмешался Марино, – я бы точно подумал, что дамочка подвинулась от одиночества, соскучилась без мужского внимания и хочет, чтобы кто-нибудь погладил ее по шерстке. Или что ее бросил парень и она готовит сцену, чтобы устроить ему большие неприятности.

– Верно, – не сдержалась я. – Ты подумал бы то же самое, если бы ей угрожал муж или приятель. Ты бы никогда не поверил ей, и Берилл Мэдисон в любом случае была бы мертва.

– Может, и так, – возразил Марино. – Но в случае с мужем – предположим, что таковой бы у нее был, – я бы, по крайней мере, знал, кого подозревать. Я бы получил, черт возьми, ордер, а судья выписал постановление, чтобы этот псих не

подходил к ней ближе чем на сто шагов.

– Тебе прекрасно известно, что запретительные судебные приказы не стоят даже потраченной на них бумаги, – вскипела я.

Злость выталкивала меня за границы самообладания. Не проходило года, чтобы на стол в анатомичке не поступало с полдюжины женщин, мужей и приятелей которых пытались сдержать запретительными постановлениями.

С минуту в кабинете стояла тишина.

– Предлагал ли офицер Рид прослушивать ее телефонную линию? – спросила я, обращаясь к Уэсли.

Он покачал головой:

– Это ничего бы не дало. Чтобы установить прослушивание, телефонной компании потребовался бы не только внушительный список звонков, но и убедительные доказательства того, что запугивание действительно имело место.

– У нее не было таких доказательств?

– К сожалению, не было. Прежде всего, Кей, мисс Мэдисон получала мало звонков. Те, о которых она сообщила, не позволяли сделать однозначный вывод о наличии угрозы. У нее не было даже записи звонков. Без всего этого разрешения на прослушку никто бы не дал.

– Судя по всему, – добавил Марино, – Берилл получала не более одного-двух звонков в месяц. И не вела их регистрацию, о которой ее просил Рид. А если и вела, то мы ее записей не нашли. Она даже не записала ничего на пленку.

– Боже мой! – пробормотала я. – Человека грозят убить, но, чтобы его жалобы приняли всерьез, требуется постановление конгресса.

Уэсли промолчал.

Марино хмыкнул.

– Ты ведь и сама в таком положении, док. Нет такой штуки, как превентивная медицина. Мы всего лишь чистильщики. Нам и шагу не дают ступить, пока не будет твердых улик. Вроде тела.

– По-моему, достаточно веским доказательством можно считать уже само поведение Берилл, – заметила я. – Прочти отчеты. Она выполняла практически все рекомендации офицера Рида. Он посоветовал установить сигнализацию – она установила. Посоветовал ставить машину в гараж – она послушалась, хотя и собиралась переоборудовать гараж под офис. Спросила об оружии, а потом пошла и купила пистолет. И звонила Риду сразу после звонка убийцы. Не ждала, не тянула, а немедленно связывалась с полицией.

Бентон, вздохнув, начал раскладывать на столе фотокопии писем Берилл из Ки-Уэста, полицейские отчеты и фотографии, сделанные во дворе, в доме и, наконец, в спальне, где и нашли тело. Он раскладывал документы молча, с каменным лицом, посылая ясный сигнал, что пора идти дальше, что споры и препирательства пора прекратить. Что сделала и чего не сделала полиция, уже не важно. Важно поймать убийцу.

– Меня беспокоит отсутствие последовательности в его действиях. С одной стороны, характер и манера угроз указывают на психопатическую личность. На человека, преследовавшего и угрожавшего Берилл на протяжении нескольких месяцев, но не знавшего ее лично. Несомненно, что главное удовольствие ему доставляли фантазии. Это фаза предшествования. Он ее исчерпал. Удар последовал, когда она обманула его ожидания, уехав из города. Может быть, он испугался, что она исчезнет навсегда, и поэтому убил ее сразу после возвращения.

– То есть дамочка испортила ему праздник, – вставил Марино.

Уэсли продолжал разглядывать фотографии.

– Я вижу здесь сильную злость, ярость. И здесь же начинает проступать непоследовательность. Особенно это заметно вот тут. – Он постучал по фотографии. – У нее изуродовано лицо. Лицо – это и есть личность. В типичных случаях во время убийств, совершенных сексуальным садистом, лицо жертвы остается нетронутым. Она лишена индивидуальности. Она – символ. В некотором

смысле в глазах убийцы она лишена лица. Она для него никто. Чаще всего объектом мутилизации[б - Отделение части конечности. (Прим. ред.)] становятся области груди и половых органов. – Бентон помолчал, пожал плечами. – В убийстве Берилл присутствует личностный элемент. Порезы на лице, множественные раны на теле – явный выход за пределы необходимости. Все это указывает на то, что этот человек все-таки знал Берилл лично. Возможно, даже хорошо. Убийца был одержим именно ею. Но это не согласуется с наблюдением за ней издали, преследованием, что характерно для постороннего, чужого.

Марино снова потянулся за револьвером и, покрутив бесцельно барабан, подал голос:

– Хотите услышать мое мнение? Думаю, у психа комплекс бога. Пока ты играешь по его правилам, он тебя не трогает. Берилл нарушила правила, когда уехала из города и повесила табличку «Продается». Забавы кончились. Поступил не по правилам – вот тебе наказание.

– Как бы ты его охарактеризовал? – спросила я Бентона.

– Белый. От двадцати пяти до тридцати пяти. Умен. Рос без отца. В детском возрасте, возможно, подвергся насилию. Физическому или психологическому. Может быть, тому и другому. Одиночка. Это, однако, не значит, что он живет один. Не исключено, что женат. Ведет двойную жизнь. Мир видит одного человека, но не замечает его темной стороны. Обсессивно-компульсивен. Вуайерист.

– Здорово! – съязвил Марино. – Такое описание подходит половине психов, с которыми я работал.

Уэсли пожал плечами:

– Может, я и ошибаюсь, Пит. Еще не разобрался. Вполне вероятно, что убийца какой-нибудь неудачник. Живет дома с матерью. Может быть, за ним кое-что уже числится. Может быть, лечился или сидел. Черт возьми, он вполне может работать в солидной охранной фирме и быть чистым как стеклышко. Похоже, наш объект обычно звонил Берилл вечером. Один дневной звонок, о котором нам известно, сделан в субботу. Мисс Мэдисон проводила большую часть времени дома. Он звонил тогда, когда было удобно ему, а не тогда, когда мог застать ее

дома. Мне представляется, что у него обычный рабочий график, с девяти до пяти, и выходной уик-энд.

– Если только он не звонил ей с работы, – предположил Марино.

– Такая возможность не исключена, – согласился Уэсли.

– Как насчет возраста? Вы не допускаете, что он старше?

– Сомневаюсь. Хотя всякое может быть.

Потягивая успевший остыть кофе, я пересказала им все, что узнала накануне от Марка о конфликте из-за контракта и странных отношениях Берилл с Кэри Харпером. Марино и Уэсли слушали меня с нескрываемым любопытством. Во-первых, вечерний визит чикагского адвоката и впрямь не укладывался в рамки общепринятых стандартов поведения. Во-вторых, сама информация заставляла взглянуть на случившееся под новым углом. Ни Марино, ни Уэсли, ни мне – до разговора с Марком – и в голову не приходило, что в убийстве Берилл может быть какой-то мотив. Самый распространенный мотив в преступлениях на сексуальной почве – это отсутствие какого-либо мотива. Преступник делает то, что ему нравится, и тогда, когда подворачивается удобный случай.

– У меня есть приятель, коп, в Уильямсберге, – сказал Марино. – По его словам, Харпер – настоящий псих. Отшельник. Разъезжает в старом «роллс-ройсе» и ни с кем не разговаривает. Живет в громадном особняке над рекой, никогда никого не принимает. К тому же, док, Харпер – старик.

– Не такой уж и старик, – не согласилась я. – Ему всего-то пятьдесят с небольшим. Но живет он действительно уединенно. Если я правильно помню, с сестрой.

– Сомневаюсь, что в этом что-то есть. – Бентон заметно напрягся. – Но проверить не помешает, Пит. По крайней мере, Харпер может помочь нам установить личность того «М», которому писала Берилл. Очевидно, это был человек, которого она хорошо знала. Друг или любовник. Кто-то должен его знать. Выясним это – продвинемся вперед.

По лицу Марино было видно, что предложение Уэсли ему не понравилось.

– Не знаю, что из этого получится. Харпер со мной и разговаривать не станет, а прижать его мне нечем. К тому же я просто не верю, что это он уделал Берилл. Даже если есть мотив. На мой взгляд, старикан обставил бы все проще, а не растягивал на девять или десять месяцев. Да и голос его Берилл бы узнала.

– Он мог кого-то нанять, – заметил Уэсли.

– Верно. И мы нашли бы ее через неделю с аккуратной дыркой в затылке, – возразил Марино. – Наемные убийцы не запугивают жертв, не звонят им, не пользуются ножом и никого не насилуют.

– Большинство – да, – согласился Уэсли. – Но насчет изнасилования полной уверенности у нас нет. Семенной жидкости не обнаружено. – Он вопросительно взглянул на меня, и я кивнула. – Может быть, убийца импотент. Или же – такую возможность тоже не следует упускать из виду – тело намеренно расположили так, чтобы натолкнуть нас на мысль о сексуальном подтексте, хотя в действительности мотив был совсем иной. Все зависит от того, кого нанимали. Если мы, конечно, принимаем вариант с киллером. Например, если бы Берилл застрелили в разгар спора с Харпером, полиция поставила бы его во главе списка подозреваемых. Но если убийство выглядит как дело рук сексуального садиста, психопата, о Харпере никто и не вспомнит.

Я заметила, что Марино поглядывает на книжную полку. Его тяжелое, угловатое лицо покраснело, хотя в кабинете не было душно.

– Что еще вам известно о книжке, которую она писала? – спросил он, поворачиваясь ко мне.

– Очень немного. Книга задумывалась как автобиографическая и могла повредить репутации Харпера.

– И Берилл работала над ней в Ки-Уэсте?

– Наверное, да, но точно я сказать не могу.

Он замялся, виновато пожал плечами:

– Черт, понимаю, что вам такое не понравится, но ничего похожего на рукопись в доме не нашли.

Этому удивился даже Уэсли.

– А как же стопка листов в ее спальне?

– Ну да. – Марино достал сигареты. – Я их просмотрел. Очередной роман. Гражданская война, любовь и все такое. На автобиографию совсем не тянет.

– Заглавие или дата есть?

– Нет. Ни того ни другого. Если уж на то пошло, похоже, там не все. Вот такой толщины примерно. – Марино развел большой и указательный пальцы на дюйм. – Много приписок на полях, еще страниц десять написаны от руки.

– Нужно еще раз и более внимательно просмотреть все ее бумаги, компьютерные диски и точно определить, есть ли там автобиография или ее уже нет. Надо также выяснить, кто ее литературный агент или издатель. Не исключено, что, перед тем как покинуть Ки-Уэст, Берилл отправила рукопись кому-то из них по электронной почте. Мы должны точно знать, что она вернулась в Ричмонд без рукописи. Если же мисс Мэдисон привезла рукопись с собой и теперь ее нет, это по меньшей мере факт первостепенного значения.

Уэсли бросил взгляд на часы, отодвинул стул и с извиняющейся улыбкой поднялся.

– Прошу прощения, но через пять минут у меня другая встреча.

Он проводил нас в фойе.

Избавиться от Марино не удалось, лейтенант потянулся за мной к машине.

– Будь осмотрительна, док. – Я приготовилась выслушать дежурную лекцию из цикла «уличные премудрости». Инструктировать меня Марино мог часами. –

Большинство женщин никогда не думают об осторожности. Бредут по улице и даже не замечают, что на них кто-то смотрит, что за ними следят. А когда подойдешь к машине и достанешь ключи, не согласишься заглянуть под нее, о'кей? Просто удивительно, как женщины забывают о таких простых вещах. Вот ты ведешь машину и замечаешь, что за тобой кто-то следует. Что будешь делать?

Я промолчала.

– Отправляйся к ближайшему пожарному депо. Почему? Потому что там всегда кто-то есть. Даже в два часа ночи на Рождество. Это первое место, куда следует ехать.

Пережидая поток машин, я опустила руку в карман, где лежали ключи, и, бросив взгляд через улицу, заметила под щеткой «дворника» злобный белый прямоугольник. Неужели бросила мало мелочи? Вот невезение!

– Они повсюду, – наставлял между тем Марино. – Лучше всего начать присматриваться, когда отправляешься домой или идешь за покупками.

Я наградила его уничтожающим взглядом и поспешила через дорогу.

– Эй, док, не злись, ладно? – сказал он, догоняя меня у машины. – Может, еще поблагодаришь когда-нибудь за то, что я порхаю тут с тобой, как ангел-хранитель.

Счетчик показывал, что оплаченное время истекло пятнадцать минут назад. Сорвав со стекла проклятый листок, я сунула его в карман рубашки.

– Будешь порхать в управление, лейтенант, посматривай по сторонам. Пожалуйста.

Марино проводил меня обиженной гримасой.

Проехав с десяток кварталов, я завернула на еще одну платную автостоянку и опустила в прожорливую щель два последних четвертака. На приборной доске моей служебной машины всегда стоит красная карточка с надписью «Судмедэксперт», но дорожная полиция упрямо делает вид, что ничего не замечает. Пару месяцев назад один коп набрался наглости и выписал штраф, когда я среди белого дня работала на месте преступления в центре города.

Торопливо взбежав по цементным ступенькам, я толкнула стеклянную дверь и, миновав вестибюль, вошла в главный филиал публичной библиотеки. Между столами, заваленными книгами, бесшумно сновали посетители. Окунувшись в атмосферу тщательно оберегаемой тишины, почтенной неторопливости и невольно проникшись ею, я сбавила шаг. У противоположной стены расположилась каталожная секция с аппаратами для чтения микрофильмов. Я достала ручку и начала выписывать книги, изданные Берилл Мэдисон под разными псевдонимами. Последнее произведение, роман о временах Гражданской войны, вышел полтора года назад под именем Эдит Монтегю. Скорее всего, это не имело никакого отношения к трагедии и Марк был прав. За последние десять лет Берилл опубликовала шесть романов. Ни об одном из них я ничего не слышала.

Потом наступила очередь периодики. Ничего. Берилл писала только романы. Я не нашла ни одной журнальной статьи, ни одного интервью. Может быть, поискать в газетах? Местная «Ричмонд таймс» опубликовала несколько рецензий на ее книги, но пользы от этого не было никакой, поскольку автор проходил в них под псевдонимом. Убийца же знал настоящее имя Берилл.

На экране проплывали одна за другой знакомые и незнакомые фамилии: Мейбери, Мейкон и, наконец, Мэдисон. Посвященная Берилл небольшая заметка в «Таймс» появилась в прошлом ноябре.

Автор выступает с лекцией.

Романистка Берилл Стрэттон Мэдисон прочтет лекцию «Дочерям американской революции»[7 - «Дочери американской революции» – женская общественная организация, объединяющая потомков участников Войны за независимость. Создана в 1890 году. Выступает за «сохранение идеалов американизма».]в ближайшую среду в отеле «Джефферсон» на Адамс-стрит. Мисс Мэдисон, протеже лауреата Пулитцеровской премии Кэри Харпера, известна своими историческими драмами, действие которых разворачивается на фоне

американской революции и Гражданской войны. Тема ее лекции – «Жизненность легенды как средство передачи факта».

Записав нужную информацию, я немного задержалась, чтобы просмотреть несколько книг Берилл.

В офисе ждала бумажная работа, но мое внимание постоянно переключалось на телефон. Это не твое дело. Я прекрасно понимала, что юрисдикция судмедэксперта не покрывает всю сферу компетенции полиции, но...

Из холла долетели громкие голоса уборщиц. Они всегда приходили к половине седьмого. Миссис Мактиг, значившаяся в газетной заметке одним из организаторов лекции, скорее всего, ушла домой. Номер телефона, который я списала в библиотеке, вероятно, принадлежал офису «Дочерей американской революции», и, следовательно, мне никто не ответит.

Но трубку взяли после второго гудка.

– Миссис Мактиг? – неуверенно спросила я.

– Что? О да. Я миссис Мактиг.

Было уже поздно, и мне ничего не оставалось, как перейти прямо к делу.

– Миссис Мактиг, вас беспокоит доктор Скарпетта.

– Доктор – кто?

– Скарпетта. Я судебно-медицинский эксперт и занимаюсь расследованием обстоятельств смерти Берилл Мэдисон.

– О господи! Да-да, я читала. Боже мой! Какое несчастье! Она была такая милая, такая чудесная... Просто невероятно.

– Насколько мне известно, мисс Мэдисон выступала в прошлом ноябре перед собранием «Дочерей американской революции»...

– Мы ужасно обрадовались, когда она согласилась. Знаете, Берилл не часто соглашалась участвовать в публичных мероприятиях.

Судя по голосу, миссис Мактиг была весьма преклонного возраста, и я уже собиралась свернуть разговор, но дальше меня поджидал сюрприз.

– Понимаете, Берилл сделала для нас исключение. Иначе мы бы никогда ее не заполучили. Мой покойный муж был дружен с Кэри Харпером, писателем. Думаю, вы о нем слышали. Джо знал, как мне будет приятно, и договорился обо всем сам. Мне всегда нравились ее книги.

– Где вы живете, миссис Мактиг?

– В Гарденс.

Чемберлейн-Гарденс. Дом престарелых неподалеку от центра города. Одна из самых мрачных вех в моей профессиональной жизни. За последние несколько лет у меня было с десяток «клиентов» из этого и других подобного рода заведений.

– Вы не против, если я загляну к вам ненадолго по пути домой?

– Конечно нет. Приезжайте. Буду ждать. Как, вы сказали, вас зовут?

– Доктор Скарпетта, – медленно повторила я.

– Я в номере триста семьдесят восьмом. Поднимайтесь на лифте на третий этаж.

Местожительство может многое рассказать о человеке, так что я уже представляла, с кем буду иметь дело. Чемберлейн-Гарденс принимал пожилых людей определенного достатка, которым не приходилось рассчитывать только на государственное пенсионное обеспечение. Ежемесячные взносы значительно превышали те суммы, которые могли позволить себе большинство граждан, живущих на пенсию. Но при этом Чемберлейн-Гарденс, как и другие учреждения подобного профиля, был клеткой, пусть и позолоченной. Как в клетке ни хорошо, по доброй воле туда никто не стремится.

Расположенное к западу от центра, это современное кирпичное строение представлялось удручающим продуктом симбиоза больницы и отеля. Оставив машину на гостевой стоянке, я направилась к освещенной галерее главного входа. Вестибюль украшали репродукции Уильямсберга, повсюду стояли громоздкие хрустальные вазы с пестрыми букетами из шелковых цветов. На расстеленном от стены до стены красном ковре лежали дешевые восточные циновки. С потолка свисала тяжелая латунная люстра. На диванчике сидел старик с толстой тростью в руках и в твидовой английской шляпе. Блеклые глаза рассеянно смотрели в одну точку. По ковру ковыляла, опираясь на палку, жалкая старушка.

Расположившийся за столом молодой человек устало посмотрел на меня, но ни о чем не спросил, и я прошла напрямик к лифту. После некоторого ожидания двери наконец открылись и долго не закрывались, как бывает всегда там, где лифт обслуживает главным образом пожилых людей. Пока кабина добиралась до третьего этажа, я пробежала взглядом по прилепленным к стенам объявлениям и уведомлениям, напоминавшим о посещении музеев и ферм, карточных клубов, библиотек и крайнем сроке сдачи вышивок для Еврейского центра. Некоторые объявления касались давно минувших событий. Бывая в домах престарелых, носящих обычно кладбищенские названия, вроде Чемберлейн-Гарденс, Санниланд или Шелтеринг-Пайнс, я неизменно испытываю неприятные ощущения. А ведь рано или поздно моя мать тоже не сможет жить одна, и что мне тогда делать? В последний раз, когда мы разговаривали по телефону, она завела речь об эндопротезировании тазобедренного сустава.

Апартаменты миссис Мактиг находились налево по коридору. На мой стук ответили почти мгновенно. Дверь открыла сухонькая женщина с редкими, завитыми в тугие колечки волосами и желтым, как старая бумага, лицом. На щеках у нее рдели два ярких пятна румян, а туловище скрывал огромный белый кардиган. Я уловила цветочный аромат туалетной воды и запах сыра.

– Миссис Мактиг? Я Кей Скарпетта.

– Как мило, что вы зашли, – сказала хозяйка, похлопав меня по протянутой руке. – Выпьете чаю или чего-нибудь покрепче? У меня все найдется. На любой вкус. Я люблю портвейн.

Говоря это, она провела меня в маленькую гостиную и предложила кресло. Потом выключила телевизор и включила настольную лампу. Комната была заполнена вещами, как будто ее готовили для постановки «Аиды». Выцветший персидский ковер заставлен тяжелой мебелью: креслами, столиками, книжными шкафчиками, комодом, заполненным вещами из стекла и тонкостенного фарфора. На стенах, теснясь друг к другу, висели картины, колокольчики и выполненные методом притирания рисунки.

Миссис Мактиг вернулась с маленьким серебряным подносом, на котором разместились хрустальный графинчик с портвейном, два парных бокала к нему и блюдечко с домашним печеньем. Наполнив бокалы, хозяйка протянула блюдечко и кружевную салфетку, старую, но чистую и аккуратно выглаженную. Весь этот ритуал занял довольно много времени. Наконец она опустилась на потертый край дивана, где и проводила, наверное, большую часть времени, читая или смотря телевизор. Судя по всему, навещали ее нечасто, и мой визит, пусть даже по печальному поводу, поднял миссис Мактиг настроение.

– Я судмедэксперт и, как уже говорила, работаю по делу мисс Мэдисон. В настоящий момент мы, следователи, почти ничего не знаем ни о самой Берилл, ни о людях, которые могли бы рассказать нам о ней.

Хозяйка сделала глоток портвейна. Выражение ее лица ничуть не изменилось, как будто я обратилась к глухому. Привыкшая иметь дело с полицейскими и адвокатами, я часто забываю, что в общении с остальным населением Земли требуется более тонкий подход. Печенье оказалось мягким, рассыпчатым и очень вкусным. Миссис Мактиг приняла мою похвалу с улыбкой.

– Спасибо. Берите, пожалуйста, еще. Угощайтесь. У меня его много.

Я решила на вторую попытку.

– Миссис Мактиг, вы ведь были знакомы с Берилл Мэдисон еще до того, как пригласили ее выступить перед вашей группой прошлой осенью?

– Да, конечно. Хотя и не лично. Видите ли, мне всегда нравились ее книги. Исторические романы – мое любимое чтение.

– А как вы узнали, что это она их написала? Насколько мне известно, мисс Мэдисон пользовалась псевдонимами. Ни на обложке, ни в примечаниях подлинная фамилия автора не значится.

– Совершенно верно. Полагаю, я одна из очень немногих, кто знал настоящее имя автора. И только благодаря Джо.

– Джо – ваш муж? – уточнила я.

– Да. Они с мистером Харпером были друзьями. По крайней мере, в той степени, в какой кто-то может считаться другом мистера Харпера. Их связывал бизнес Джо. С этого и началось.

– Чем же занимался ваш муж? – Я уже поняла, что моя собеседница вовсе не такая рассеянная, как мне показалось вначале.

– Строительством. Когда мистер Харпер купил Катлер-Гроув, поместье находилось в ужасном состоянии и требовало ремонта. Джо провел там почти два года, контролируя ход восстановительных работ.

Конечно! Связь можно было установить еще раньше. «Мактиг контракторс» и «Мактиг ламбер компани» были двумя крупнейшими строительными компаниями в Ричмонде.

– Это началось более пятнадцати лет назад, – продолжала миссис Мактиг. – И примерно тогда же, бывая по делам в Катлер-Гроув, Джо познакомился с Берилл. Сначала она приезжала в поместье с мистером Харпером, а потом и поселилась в доме. Она была тогда совсем молоденькая. – Хозяйка помолчала. – Помню, Джо вернулся однажды оттуда и сказал, что мистер Харпер приютил одну красивую девушку, оказавшуюся талантливой писательницей. Думаю, она была сиротой. В общем, в ее жизни определенно случилось что-то печальное. – Миссис Мактиг осторожно поставила бокал на поднос, медленно прошествовала через комнату к секретеру и, выдвинув ящик, достала большой кремовый конверт.

– Вот, посмотрите. – Руки ее слегка дрожали. – У меня только одна их фотография.

В конверте, между двумя половинками согнутого пополам листа почтовой бумаги, лежала слегка передержанная черно-белая фотография. Двое высоких, импозантных, загорелых мужчин стояли по обе стороны от хрупкой, миловидной девушки. Все трое слегка щурились от бившего им в глаза яркого солнца.

– Это Джо. – Миссис Мактиг указала на того, что стоял слева от девушки, которая, как я уже догадалась, и была Берилл Мэдисон. Закатанные по локоть рукава рубашки обнажали мускулистые руки Джо Мактига, козырек бейсболки защищал глаза. Седоволосый, справа от Берилл, был мистером Кэри Харпером, как поспешила объяснить хозяйка. – Сфотографировались у реки. Джо еще занимался ремонтом. А мистер Харпер уже тогда был седой. Вы, наверное, слышали эту историю. Говорят, он поседел в тридцать с небольшим, когда писал «Острый угол».

– Так они сфотографировались у Катлер-Гроув?

– Да, там, у Катлер-Гроув.

Я снова перевела взгляд на Берилл Мэдисон. Для юной девушки лицо у нее было чересчур взрослое, словно она уже постигла мудрость и тайну жизни. Грустное лицо с печальными глазами много перенесшего, брошенного ребенка.

– Берилл здесь совсем еще ребенок.

– Ей, наверное, лет шестнадцать или семнадцать. – Я положила снимок в сложенный листок и засунула в конверт.

– Да, примерно так. Вряд ли больше. Я нашла эту фотографию уже после смерти Джо. Подозреваю, что ее вернул кто-то из его бывших работников. – Миссис Мактиг положила конверт на место и, снова усевшись на диван, добавила: – Думаю, они ладили потому, что Джо был очень надежен. На него всегда можно было положиться, и он никогда не позволял себе лишнего. Не сомневаюсь, что многое так и ушло с ним в могилу. – Она грустно улыбнулась и замолчала, уставившись в стену.

– Очевидно, мистер Харпер рассказал вашему мужу об успехе Берилл, когда ее начали издавать, – заметила я.

Миссис Мактиг удивленно взглянула на меня.

– А знаете, я даже не уверена, что узнала об этом от Джо. Понимаете, доктор... Скарпетта, да? Красивая фамилия. Испанская?

– Итальянская.

– О! Держу пари, вы прекрасно готовите.

– По крайней мере, делаю это с удовольствием, – сказала я, пригубив портвейн. – Так это мистер Харпер рассказал вашему мужу о книгах Берилл?

Она наморщила лоб.

– Интересно... Вы спрашиваете, а я вдруг поймала себя на том, что никогда об этом не думала. Да, должно быть, так. Не представляю, что Джо мог узнать об этом от кого-то другого. Так или иначе, он узнал, а когда вышел «Флаг чести», ее первый роман, Джо подарил его мне на Рождество.

Миссис Мактиг снова поднялась, порылась в книгах на полке и, вытащив внушительного объема книгу, протянула мне.

– С автографом, – с гордостью добавила она.

– Ее первая, – сказала я, открывая роман. Под автографом «Эмили Стрэттон» стояла дата десятилетней давности.

– Возможно, одна из немногих подписанных, – расцвела хозяйка. – Наверное, Джо получил ее через мистера Харпера. А как иначе?

– А других подписанных книг у вас нет?

– Берилл? Нет. Вообще-то у меня есть все ее книги. И все я прочитала. Некоторые по два-три раза. – Она помолчала, нерешительно поглядывая на меня, потом спросила: – Скажите, все случилось так, как писали газеты?

– Да. – Я не собиралась рассказывать ей всю правду. Истинные обстоятельства смерти Берилл были куда ужаснее, чем их представляла пресса.

Миссис Мактиг потянулась за печеньем. В глазах ее блеснули слезы.

– Расскажите мне о том ноябре. Она выступала перед «Дочерьми американской революции»?

– Да. В ноябре мы ежегодно устраиваем праздничный обед и приглашаем основного выступающего. Для нас это главное событие года. Я возглавляла тогда комитет, и все основные обязанности свалились на меня: все устроить, обо всем договориться и, главное, найти интересного докладчика. Разумеется, я с самого начала хотела пригласить Берилл, но сразу же наткнулась на препятствия. Во-первых, никто не знал, где ее найти. Ее телефона не было в справочнике, и я понятия не имела, где она живет. И подумать не могла, что Берилл Мэдисон здесь, в Ричмонде! В конце концов обратилась за помощью к Джо. – Она неловко улыбнулась. – Понимаете, мне хотелось сделать все самой, проверить себя. К тому же Джо был очень занят. В общем, однажды вечером муж набрал номер мистера Харпера, а на следующее утро у меня зазвонил телефон. Для меня это стало полнейшим сюрпризом. Я даже потеряла голос, когда она представилась.

Телефон. Мне почему-то даже не приходило в голову, что ее номера нет в справочнике. В отчете офицера Рида об этом не упоминалось. Знал ли Марино?

– К огромной моей радости, Берилл приняла приглашение, потом задала несколько самых обычных вопросов. Ее интересовало, какая будет аудитория. Я ответила: от двух до трех сотен человек. Мы уточнили дату, время, продолжительность выступления и все такое. Она была очень любезна и мила. Но не болтлива. И это было необычно. Берилл даже не принесла свои книги. Знаете, писатели всегда приносят свои книги. А потом подписывают и продают. Берилл сказала, что она так никогда не делает, и даже отказалась от гонорара. Это тоже необычно. Да, мне она показалась очень милой и скромной.

– В зале присутствовали только женщины? – спросила я.

Миссис Мактиг потерла виски, напрягая память.

– Кажется, кто-то привел мужей, но большинство, конечно, составляли женщины. Почти как всегда.

Ничего другого я и не ожидала. Вероятность того, что убийца оказался в тот ноябрьский день среди почитателей Берилл, была крайне мала.

– Мисс Мэдисон часто принимала подобные приглашения?

Моя собеседница решительно покачала головой:

– Нет-нет, что вы! Я точно знаю, что она их не принимала. По крайней мере, здесь. В противном случае я бы, несомненно, узнала и постаралась бы не пропустить такое событие. На меня Берилл произвела впечатление очень закрытой женщины. По-моему, она писала ради удовольствия, а вовсе не из-за внимания публики и популярности. Это объясняет, почему она пользовалась псевдонимами. Писатели, которые так тщательно оберегают свою частную жизнь, редко появляются перед публикой. Нисколько не сомневаюсь, что в моем случае исключение было сделано только благодаря просьбе мистера Харпера.

– Похоже, мистер Харпер очень ценил вашего мужа, – заметила я.

– Да, конечно. Очень ценил.

– А вы с ним знакомы?

– Да.

– И какое впечатление оставил на вас мистер Харпер?

– Мне он показался застенчивым и... несчастным. А еще я подумала, что он, наверное, ставит себя немного выше других. Но вообще-то мистер Харпер производит сильное впечатление. – Взгляд ее снова уперся в стену, но свет в глазах погас. – Мой муж очень сильно был к нему привязан и относился к своему другу с большим уважением.

– Когда вы в последний раз видели мистера Харпера?

– Джо умер прошлой весной.

– И после смерти мужа вы мистера Харпера больше не видели?

Она покачала головой и как будто удалилась в некое тайное, неведомое мне место скорби. Интересно было бы узнать, что именно связывало Кэри Харпера и мистера Мактига. Темные делишки? Уж не знакомство ли с писателем-затворником отравило семейную идиллию Мактигов? Или, может быть, все дело в грубости и эгоизме Харпера?

– Если я правильно понимаю, Кэри Харпер живет в Катлер-Гроув со своей сестрой? – спросила я.

Вместо ответа хозяйка поджала губы. Глаза ее наполнились слезами.

Я поставила бокал и убрала в сумочку блокнот.

Она проводила меня до двери.

– Берилл когда-нибудь писала вам или вашему мужу? – осторожно спросила я.

Миссис Мактиг снова покачала головой.

– Вы не знаете, у нее были друзья? Может быть, ваш муж кого-то упоминал?

Тот же молчаливый жест.

– Кого она могла называть «М»? Вы знаете кого-то, чье имя начиналось бы с буквы «М»?

Миссис Мактиг печально смотрела в пустой коридор. Мысли ее были где-то далеко, в том ушедшем времени, от которого остались только слезы.

– В двух ее романах есть «П» и «А». Кажется, это были шпионы северян. О боже, я, кажется, забыла выключить духовку! – Она быстро-быстро заморгала, как будто в глаза светило яркое солнце. – Надеюсь, вы еще заглянете?

– С удовольствием. Было приятно с вами поговорить. – Я погладила ее по плечу, еще раз поблагодарила, повернулась и ушла.

Вернувшись домой, я первым делом позвонила матери и облегченно вздохнула, услышав обычную лекцию, пару рекомендаций и твердое уверение в том, что меня еще любят.

– У нас тут всю неделю было за восемьдесят, а в новостях говорили, что в Ричмонде около сорока. Господи, как вы там выживаете? Снег еще не выпал?

– Нет, мама, снег не выпал. Как твое бедро?

– А что с ним сделается? Бедро как бедро. Я вяжу плед. Подумала, что ты могла бы укрыть им ноги, когда работаешь в офисе. Люси о тебе спрашивала.

Я уже забыла, когда в последний раз разговаривала с племянницей.

– Трудится над каким-то научным проектом в школе. Подумать только, ну просто говорящий робот. На днях притащила ее домой, так бедный Синдбад с испугу спрятался под кровать...

Синдбад – отвратительный, жадный греховодник-кот – прибил к матери, когда она отправилась однажды за покупками в Майами-Бич. Понятие о гостеприимстве у него отсутствовало начисто. Когда я приезжала, он запрыгивал на холодильник, как настоящий лесной хищник, и следил за мной оттуда злобными глазами.

– Попробуй угадать, кого я вчера видела. – Желание поделиться с кем-то новостью распирало меня, а мать знала о моем прошлом едва ли не все. – Помнишь Марка Джеймса?

Молчание.

– Он был по делам в Вашингтоне и заезжал на минутку в Ричмонд.

– Конечно, помню.

– Надо было обсудить одно дело. Он ведь адвокат. Э-э... в Чикаго. – Я быстро отступала. – Его фирма открыла представительство в Вашингтоне. – Чем больше я говорила, тем сильнее сжималось неодобрительное кольцо материнского молчания. – Если помнишь...

– Перестань. Я лишь помню, что он едва не убил тебя, Кэти.

Когда она называла меня «Кэти», я чувствовала себя на десять лет старше.

4

Поскольку все научно-технические лаборатории службы судебно-медицинской экспертизы размещались в том же здании, где работала и я, ожидать отчетов не приходилось. Подобно мне, эксперты знали многое еще до того, как начинали их писать. Все улики по делу Берилл Мэдисон я сдала ровно неделю назад и не сомневалась, что Джони Хэмм уже составила по ним определенное мнение и готова поделиться своими предварительными заключениями. Вот почему, покончив с утренними делами, я захватила чашку кофе и поднялась на лифте на четвертый этаж.

Кабинет Джони, если можно так назвать крохотный закуток между лабораториями трасологического и химического анализов, находился в самом конце коридора. Когда я вошла, Джони сидела за черным столом, прильнув к окуляру стереоскопического микроскопа. Рядом лежал блокнот, страницы которого были испещрены аккуратными записями.

– Не вовремя? – осведомилась я.

– Вовремя не бывает, – ответила она, обернувшись через плечо.

Я пододвинула стул.

Джони – миниатюрная молодая женщина с черными короткими волосами и широко расставленными темными глазами – училась по вечерам и успевала воспитывать двух детишек. Она выглядела вечно усталой и слегка

растрепанной. С другой стороны, то же можно было сказать и о других экспертах, включая меня.

– Как дела по убийству Берилл Мэдисон? Что-нибудь нашла?

– Больше, чем хотелось бы. – Она пролистала блокнот. – Кошмарное дело.

Я не удивилась, потому что сама отправила в лабораторию гору конвертов и пакетов с уликами. Окровавленное тело Берилл собирало на себя мусор, как липучка для мух. Особую трудность для исследования представляли волокна и нити, поскольку их требовалось сначала очистить и только потом класть под микроскоп. Каждый предмет опускали в отдельный контейнер, наполненный мыльным раствором, а уже потом сам контейнер ставили в ультразвуковую ванну. Избавившись от крови и грязи, раствор пропускали через стерильный бумажный фильтр, а исследуемый образец помещали на предметное стекло.

Джони провела пальцем по строчке.

– Вообще-то я бы предположила, что Берилл Мэдисон убили вне дома.

– Невозможно. Ее убили в комнате наверху, и с момента ее смерти до прибытия полиции прошло не так уж много времени.

– Понимаю. Начнем с тканей, характерных для ее дома. Три образца взяты с окровавленных участков коленей и ладоней. Это шерсть. Два образца темно-красные, один золотистый.

– Насколько я понимаю, они принадлежат молитвенному коврику из холла наверху?

– Да. Тестируемые образцы полностью совпадают с теми, что были предоставлены полицией для сравнения. Если Берилл Мэдисон стояла на коврике на четвереньках, то объяснить, как волоски попали на ладони и колени, нетрудно. Но это самое легкое.

Джони подтянула полочку с картонными коробочками, перебрала их и осторожно вытащила нужную. В коробке рядами лежали предметные стекла.

– Кроме этих ниток было еще много белых хлопчатобумажных волосков. Толку от них никакого, попасть на тело они могли где угодно. Думаю, это от белой простыни, которой накрывали тело. Я успела просмотреть с десятков других образцов, взятых с ее волос, окровавленных участков шеи и груди и из-под ногтей. Синтетика. – Она посмотрела на меня. – И они не совпадают с теми, что предоставила полиция.

– Ни с одеждой, ни с покрывалами с кровати?

Джони покачала головой:

– Ни с чем. Они посторонние, а поскольку взяты из-под ногтей и с окровавленных участков, то, скорее всего, они там появились в результате пассивного переноса с убийцы на жертву.

Неожиданный подарок! Когда Филдинг в конце концов дозвонился до меня той ночью, я распорядилась, чтобы он ждал меня в морге. Я приехала около часа пополудни, и мы чуть ли не до утра изучали тело Берилл под лазером и снимали все, что к нему прилипло. Тогда все собранное представлялось мне бесполезным домашним мусором. Удивлял сам факт обнаружения десяти оставленных убийцей волокон. В большинстве случаев приходилось довольствоваться одной-двумя незнакомыми частицами и считать себя счастливым, если попадалось три или четыре. Я помнила немало случаев, когда не оставалось вообще ничего. Увидеть мельчайшие частицы, волоски, волокна очень трудно, а малейшее нарушение положения тела или легкое движение воздуха зачастую приводит к их перемещению еще до прибытия на место преступления судмедэксперта или доставки тела в морг.

– Что за синтетика?

– Олефин, акрил, нейлон, полиэтилен и динел, – ответила Джони. – Цвет варьируется: красный, синий, зеленый, золотистый, оранжевый. К тому же они и между собой не совпадают.

Она разложила образцы на предметном столике и наклонилась к окулярам.

– В продольном направлении одни бороздчатые, другие нет. Большинство содержат двуокись титана в разной концентрации. Это означает, что они

полуматовые. Есть матовые. Есть блестящие. Диаметр довольно большой, близок к диаметру ковровых волокон, но профиль поперечного сечения меняется.

– То есть у нас есть десять волокон разного происхождения?

– По крайней мере, так представляется на данный момент. Они определенно атипичны. Если их оставил убийца, то получается, что он носил на себе весьма необычный набор волокон. Ясно, что более грубые – не от одежды, потому что они напоминают ковровые. Но и к коврам внутри дома не относятся. Странно вот еще что. Человек постоянно, на протяжении всего дня, цепляет на себя самые разные волокна и частицы, но долго на нем они не задерживаются. Вы садитесь, цепляете нитку, потом теряете ее, когда садитесь где-то еще, и цепляете совсем другую. Или частицы просто сдувает воздухом.

Я ничего не понимала. Джони перевернула страницу.

– Кроме того, доктор Скарпетта, я исследовала образцы, собранные методом вакуумной чистки. Тут, доложу я вам, чего только нет. Особенно в образце, взятом с молитвенного коврика. – Она дошла до списка и начала читать: – Табачный пепел, розоватые бумажные частицы, совпадающие с маркой на сигаретных пачках, стеклянные шарики, пара кусочков битого стекла от пивной бутылки и автомобильной фары. И, как обычно, разной величины остатки растений и насекомых и металлический шарик. Много соли.

– Соли? Столовой соли?

– Да, столовой.

– И все это было на молитвенном коврике?

– На нем и на полу в том месте, где обнаружили тело. То же самое на теле, под ногтями и в волосах.

Берилл не курила. Как могли попасть в ее дом табачный пепел и частицы бумаги от сигаретной пачки? Столовая соль ассоциируется с пищей, и в спальне наверху, а также на теле ей делать совершенно нечего.

– Марино принес шесть образцов. Все они с ковров и с тех участков пола, где нашли кровь, – продолжала Джони. – И еще я взглянула на контрольные образцы, взятые с ковров и пола в тех местах, где не обнаружено ни крови, ни следов борьбы и куда убийца, как предполагает полиция, не заходил. Они сильно отличаются. Вывод: значительную часть мусора, обнаруженного в образцах с места преступления, убийца носил с собой. Может быть, на подошвах обуви. Возможно, на одежде или в волосах. Мусор оставался везде, куда он заходил, где останавливался, к чему прикасался.

– Какой-то неряха, – пошутила я.

– Невооруженным глазом заметить эти частички практически невозможно, – напомнила вечно серьезная Джони. – Скорее всего, он и не догадывался, что носит на себе столько мусора.

Я пробежала взглядом по написанным от руки перечням. Пожалуй, лишь в двух из моих предыдущих дел мусора было так же много. Одно – когда тело нашли то ли на свалке, то ли в придорожной канаве, то ли на автостоянке. И второе – когда убитого перевозили с места преступления в кузове грузовика. К Берилл ни один из вариантов не подходил.

– Рассортируйте их по цвету. Какие волокна от одежды и какие от ковра?

– Нейлоновых волокон шесть: красный, темно-красный, синий, зеленый, зеленовато-желтый, темно-зеленый. Зеленые могут быть на самом деле черными, потому что черное под микроскопом не выглядит черным. Все эти волокна имеют грубую структуру и соотносятся с волокнами коврового типа. На мой взгляд, речь может идти о ковровом покрытии, используемом не в жилом помещении, а в автомобиле.

– Почему?

– На это указывает найденный мусор. Например, стеклянные шарики часто ассоциируются с отражающей краской, вроде той, что используется для окраски уличных знаков. Металлические шарики часто встречаются в образцах, взятых в автомобиле. Это шарики припоя, остающиеся при монтаже шасси. Их не видно, но они есть. Кусочки битого стекла – этого хватает везде, особенно на обочинах и на автостоянках. В салон машины они переносятся с обувью. То же относится и

к сигаретному мусору. Что остается? Соль. Соль тоже указывает на автомобиль. Люди ходят в «Макдоналдс». Берут чипсы на вынос. Едят в салоне. Думаю, соль можно найти едва ли не в каждой машине.

– Предположим, вы правы. Допустим, эти волокна от автомобильных коврик. Но это не объясняет, почему у нас шесть разных нейлоновых ковровых волокон. Вряд ли кто-то держит в салоне шесть разных коврик.

– Сомнительно, – согласилась Джони. – Но их ведь могли занести в машину извне. Может быть, убийца работает в таком месте, где постоянно сталкивается с разными ковриками. Может быть, он в течение дня бывает в нескольких машинах.

Я представила «хонду» Берилл, безупречно чистую как снаружи, так и внутри.

– Автомойка?

Джони задумчиво прикусила губу.

– Да, вполне может быть что-то вроде этого. Если он работает на автомойке, где чистят и салон, то, конечно, цепляет на себя кучу мусора. Другой вариант – автомеханик.

Я отпила остывшего кофе.

– Хорошо. Перейдем к четырем оставшимся волокнам. Что вы можете о них сказать?

Она бросила взгляд на страничку.

– Акрил, олефин, полиэтилен и динел. И опять-таки первые три соотносятся с волокнами коврового типа. Другое дело динел. Он вообще встречается не часто и ассоциируется обычно с искусственным мехом, париками и тому подобным. Но данное волокно очень тонкое и, пожалуй, могло использоваться в плательном материале.

– Других волокон, которые соответствовали бы пошивочным тканям, не было?

– Похоже, что так.

– Полиция считает, что на Берилл был брючный костюм светло-коричневого цвета...

Джони покачала головой:

– Это не динел. По крайней мере, к жакету и брюкам он отношения не имеет. Там материал смесовый, хлопок и полиэстер. Возможно, из динела была блузка, но ничего определенного сказать невозможно, пока нет самой блузки. – Она достала из коробки и положила на предметный стол еще один образец. – Что касается оранжевой нитки, то она единственная акриловая и имеет весьма необычный профиль поперечного сечения. Я, по крайней мере, такого еще не встречала.

Она быстро нарисовала три соединенных в центре кружочка, вызвавших в памяти трилистник клевера, только без стебля. Для получения волокон расплавленные или растворенные полимеры прогоняют через мелкие отверстия фильеры. Профиль поперечного сечения получающихся в результате нитей соответствует форме отверстия в фильере. Более обыденный пример – выдавливаемая из тюбика зубная паста. Сечения в форме трилистника я прежде тоже не встречала. Наиболее распространенные профили акриловых нитей – овал, круг, гриб, колокол.

– Вот, посмотрите. – Джони подвинулась, освобождая мне место.

Я приникла к окулярам. Волокно напоминало покрытую кляксами переплетенную ленту оранжевого цвета с черными крупинками двуокиси титана.

– Цвет, как видите, тоже весьма необычный. Оранжевый. Окрашенность неровная. Черные вкрапления призваны приглушать блеск волокна. И тем не менее оранжевый – это слишком ярко, слишком пестро, вульгарно. Он хорош для Хеллоуина, но не для одежды или коврового покрытия. Диаметр сечения довольно большой.

– То есть по диаметру волокно совпадает с ковровым, – предположила я. – Несмотря на слишком кричащий цвет.

– Допускаю, – без энтузиазма согласилась Джони.

Я постаралась вспомнить встречающиеся в повседневной жизни ярко-оранжевые предметы.

– Как насчет жилетов для дорожных рабочих? Цвет у них подходящий, а нитка легко может попасть в машину.

– Не похоже. Большинство таких жилетов шьют из нейлоновой ткани, а не из акриловой, и профиль у нее грубее, толще, чтобы не рвалась. То же относится к ветровкам и курткам, которыми пользуются дорожные полицейские и рабочие. И они тоже из гладкого и грубого нейлона. Чтобы не рвались. – Джони помолчала, потом добавила: – К тому же в такие нейлоновые нити вряд ли станут добавлять матирующее вещество – ведь чем ярче, тем лучше.

Я выпрямилась и отступила от микроскопа.

– Как бы там ни было, волокно настолько отличается от других, что, на мой взгляд, должно быть запатентовано. Даже если мы не найдем материала для сравнения, кто-то обязан его узнать.

– Желаю удачи.

– Понимаю. Намеряете, что в текстильной промышленности патенты оберегают так же ревниво, как обычные люди свои любовные похождения...

Джони помассировала шею и плечи.

– Не перестаю удивляться, как это федералы добились такого сотрудничества в деле Уэйна Уильямса. – Она имела в виду взволновавшие всю страну события в Атланте, где жертвами орудовавшего на протяжении двадцати двух месяцев серийного убийцы стали тридцать чернокожих детей. Найденные на телах двенадцати жертв фиброзные остатки помогли установить связь с квартирой и автомобилями, которыми пользовался Уильямс.

– Может быть, обратиться к Хэнуэллу? – предложила я. – Попросить его взглянуть на эти волокна? Особенно на оранжевую нитку.

Рой Хэнуэлл был специальным агентом ФБР и работал в лаборатории микроскопического анализа в Квантико. Именно он исследовал улики в деле Уильямса, после чего его услугами стремились воспользоваться едва ли не все следственные органы мира, посылавшие в Квантико разнообразные улики – от кашемира до паутины.

– Желаю удачи, – снова усмехнулась Джони.

– Вы ему позвоните?

– Вряд ли он согласится взглянуть на то, что уже исследовали другие. Вы же знаете федералов.

– Мы вместе ему позвоним, – пообещала я.

В офисе меня дожидались с полдюжины розовых стикеров с телефонными сообщениями. В глаза бросилось одно – с номером нью-йоркского коммутатора и припиской: «Марк. Пожалуйста, позвоните как можно скорее». Почему он в Нью-Йорке? Я могла предположить только одно: Марк встречается со Спарачино, адвокатом Берилл Мэдисон. Но почему «Орндорфф и Бергер» так интересуются ее убийством?

Марк снял трубку после первого же гудка.

– Когда ты в последний раз была в Нью-Йорке? – как ни в чем не бывало спросил он.

– Извини, что?

– Рейс «Ричмонд – Нью-Йорк». Самолет отправляется ровно через четыре часа. Ты можешь прилететь?

– В чем, собственно, дело? – спокойно спросила я, чувствуя, однако, как запрыгал пульс.

– Неразумно обсуждать детали по телефону, Кей.

– Неразумно лететь в Нью-Йорк, Марк.

– Пожалуйста. Это очень важно. Ты же понимаешь, что я бы не просил без веской причины.

– Это невозможно... – Долго подавлявшиеся чувства отчаянно сражались с благоразумием и, похоже, одерживали верх.

– Я провел все утро со Спарачино, – перебил он. – Вскрылись новые обстоятельства. Речь идет не только о Берилл, но и о тебе. Точнее, о твоей службе.

– О моей службе? – Я уже не могла поддерживать видимость спокойствия. – Что же такое вы обсуждали, если это касается моей службы?

– Пожалуйста, прилетай, – повторил Марк. – Пожалуйста.

Я колебалась.

– Я встречу тебя в Ла-Гуардиа. – Он не давал мне отступить. – Найдём тихое местечко и спокойно поговорим. Я уже обо всем договорился. Тебе нужно только забрать билет в окошке регистрации. Номер заказан, все улажено.

О боже, подумала я, вешая трубку, и в следующий момент, сама не знаю как, оказалась в приемной у Розы.

– Мне нужно сегодня быть в Нью-Йорке, – тоном, не допускающим вопросов, объяснила я секретарше. – Это касается дела Берилл Мэдисон. Завтра меня не будет.

В глаза Розе я старалась не смотреть. Секретарша не знала о Марке, но меня не оставляло чувство, что она прекрасно понимает интимные мотивы моего внезапного решения.

– По какому номеру можно с вами связаться? – спросила Роза.

– Пока не знаю.

Она тут же открыла календарь и начала вносить изменения в запланированное расписание встреч.

– Звонили из «Таймс». Что-то насчет статьи...

– Ерунда, – раздраженно бросила я. – Им нужна информация по убийству Берилл Мэдисон. Статья только предлог. Действуют по одной и той же схеме. Как только в городе случается громкое убийство, которое я отказываюсь обсуждать, так у репортеров мгновенно просыпается интерес к моей персоне – всем вдруг хочется узнать, когда я окончила колледж, есть ли у меня собачка, что я думаю о смертной казни и какие мои любимые фильм, цвет, блюдо и способ умерщвления.

– Понятно, отказываем, – пробормотала Роза, снимая трубку телефона.

Времени оставалось только на то, чтобы забежать домой, бросить в сумку самое необходимое и доехать до аэропорта. Как и обещал Марк, билет на мое имя был заказан. Устроившись в наполовину пустом салоне первого класса, я провела еще час, потягивая «Чивас» со льдом, листая журнал и вглядываясь в темнеющее за овальным иллюминатором небо. Мысли мои были так же мрачны и беспорядочны.

Я хотела увидеть Марка и понимала, что дело не в профессиональной необходимости, а в слабости, которую, казалось, давно удалось преодолеть. Нервное возбуждение сменялось отвращением к себе. Я не верила ему и в то же время отчаянно хотела верить. Он не тот Марк, которого ты когда-то знала, а даже если тот, вспомни, как он обошелся с тобой. Но что бы ни говорил рассудок, сердце затыкало уши.

Я пролистала двадцать страниц романа, написанного Берилл Мэдисон под псевдонимом Эдер Уайлдс, и ничего не поняла. Я не слишком люблю исторические романы, а этот, сказать по правде, ничем не выделялся на общем фоне. Писала Берилл хорошо, порой ее проза выливалась в настоящую песню, но сюжет хромал на обе ноги. Банальная история, сочиненная по незамысловатой формуле. Откровенно говоря, я засомневалась, что Берилл, останься она в

живых, добилась бы успеха в современной художественной литературе.

Ворвавшийся в мои размышления голос пилота сообщил, что мы прибываем через десять минут. Раскинувшийся внизу город напоминал сияющую огнями монтажную плату, по шоссе ползли светлячки машин, на вершинах небоскребов тревожно мигали красные точки аварийной сигнализации.

Еще через несколько минут я достала с полки сумку и, спустившись по трапу, окунулась в сумасшедший водоворот Ла-Гуардиа. Чья-то рука сжала мой локоть. Я вздрогнула и обернулась. За спиной стоял Марк.

– Слава богу!

– Что? Приняла меня за грабителя? – сухо спросил он.

– Грабитель бы уже удрал.

– Наверное. – Он взял меня за руку и повел за собой к выходу. – У тебя только одна сумка?

– Да.

– Хорошо.

За рулем такси восседал бородатый сикх в красно-коричневом тюрбане, звали которого, если верить табличке на козырьке, Мунжар. С минуту они с Марком орали друг на друга, пока Мунжар не понял, куда нам нужно, и не закивал.

– Поесть ты, надеюсь, не успела.

– Подкрепилась орешками на борту... – Такси резко вильнуло, перескакивая с одной полосы на другую, и меня бросило на Марка.

– Возле отеля неплохой ресторан, – громко сказал он. – Если ты не против, поедем там, потому что ничего другого я в этом чертовом городе не знаю.

«Хорошо бы для начала добраться до отеля», – подумала я. Мунжар завел монолог о том, как он попал в эту страну, что он хотел найти здесь жену и что свадьба уже намечена на декабрь, хотя невесты на примете пока еще нет. Исчерпав одну тему, он поведал, что работает таксистом всего лишь третью неделю, а водить научился в родном Пенджабе, где уже в семь лет сел за руль трактора.

Машины шли плотно, бампер к бамперу, и желтые такси метались в темноте, как исполняющие дикий танец дервиши. Приближаясь к отелю, мы проехали мимо людей в вечерних туалетах, выстроившихся длинной очередью в Карнеги-холл. Яркие огни, меха и черные галстуки всколыхнули полузабытые воспоминания. Мы с Марком разделяли любовь к театру, симфонической музыке и опере.

Такси остановилось у «Омни» – внушительного здания рядом с театральным кварталом, на углу Пятьдесят пятой и Седьмой. Марк взял мою сумку, и я последовала за ним в элегантное фойе, где он зарегистрировал меня и попросил отнести багаж в номер. Минуту спустя мы уже шли по улице, и я хвалила себя за то, что предусмотрительно захватила пальто – к вечеру заметно похолодало, и в воздухе кружились первые снежинки. Через три квартала нас встретил «Галлаксер» – кошмар и ужас для каждой коровы и коронарных артерий и воплощение фантазий каждого истинного ценителя мяса. Витрина его представляла собой внушительную экспозицию достижений кулинарного искусства. Внутри находилось святилище для знаменитостей, приверженность которых гастрономической религии подтверждали удостоверенные подписями фотографии.

В зале было довольно шумно, а в коктейле явно ощущался избыток виски. Я закурила и огляделась. Столики стояли близко друг к другу, что типично для нью-йоркских ресторанов. Слева от нас увлеченно беседовали два бизнесмена, справа не было никого, позади симпатичный молодой человек сражался с «Нью-Йорк таймс» и кружкой пива. Я пристально посмотрела на Марка в надежде прочесть что-то на его лице, но заметила лишь напряженные морщинки у глаз.

– Так зачем все-таки ты вытащил меня сюда?

– Может быть, просто хотел с тобой пообедать, – ответил он, вертя в руках стакан со скотчем.

– А если серьезно?

– Я не шучу. Тебе разве не приятно? Расслабься. Насладись вечером.

– Как я могу расслабиться, если только и жду, когда же упадет бомба.

Он расстегнул пиджак.

– Давай сначала сделаем заказ, а уже потом поговорим.

И так было всегда. Марк заводил меня, но лишь только для того, чтобы потом обречь на ожидание. Может быть, таким образом проявлялось его адвокатское начало. Раньше это сводило меня с ума. Теперь, как выяснилось, тоже.

– Мне рекомендовали бифштексы, – сказал он, просмотрев меню. – Их я, пожалуй, и возьму. И еще салат со шпинатом. Никаких экспериментов. Кстати, стейки здесь, как говорят, лучшие в городе.

– Ты ни разу не был в «Галлаксере»? – удивилась я.

– Я – нет. Спарачино бывал.

– И он порекомендовал тебе этот ресторан? Надо полагать, и отель тоже? – спросила я, понукаемая проснувшейся паранойей.

– Разумеется, – ответил Марк, углубляясь в перечень вин. – Так у нас заведено. Клиенты прилетают в Нью-Йорк и останавливаются в «Омни», потому что фирме так удобнее.

– Обедает ваши клиенты тоже здесь?

– Спарачино бывал здесь не раз, обычно он ужинает здесь после театра. Поэтому и знает, куда пойти.

– Что еще знает Спарачино? Ты сообщил ему, что встречаешься со мной?

Марк посмотрел мне в глаза:

– Нет.

– Нет? И как же такое возможно, если размещает меня твоя фирма, а развлечения, отель и ресторан рекомендованы Спарачино?

– Отель, Кей, он рекомендовал не фирме, а мне. Надо же было где-то остановиться. Где-то поесть. Сегодня вечером Спарачино пригласил меня и еще пару адвокатов сходить развлечься. Я отказался, объяснил, что должен еще поработать, а потом перекушу где-нибудь поблизости. Спросил, что он порекомендует. И так далее.

Теперь я кое-что начала понимать, хотя, как это воспринимать, еще не решила. Получается, что «Орндорфф и Бергер» вовсе не оплачивает мое пребывание в Нью-Йорке. Выходит, за все платит Марк. И его фирме ничего об этом не известно.

Вернулся официант, и Марк сделал заказ. Я быстро теряла аппетит.

– Прилетел вчера вечером. Спарачино нашел меня в Чикаго утром и сказал, что нам нужно срочно встретиться. Как ты уже поняла, речь шла о Берилл Мэдисон. – Он вздохнул и опустил глаза.

– И что дальше? – Мне и без того было уже не по себе, а разъяснения Марка лишь усугубляли мое беспокойство.

Его вздох не предвещал ничего хорошего.

– Спарачино знает о моей... ну, о нас с тобой. Знает, что когда-то мы были... – Он умолк, нарвавшись на мой взгляд. – Кей...

– Ах ты, дрянь! – Я отодвинула стул и бросила на стол салфетку.

– Кей!

Марк схватил меня за локоть, заставив опуститься на стул. Я отбросила его руку, но все же села, стараясь удерживать рвущуюся наружу злость. Много лет назад в одном ресторане в Джорджтауне я сорвала с запястья подаренный Марком тяжелый золотой браслет и швырнула в его тарелку с супом-пюре из моллюсков. Глупый поступок, но это был один из редких в моей жизни моментов, когда я полностью утратила самообладание и устроила настоящую сцену.

– Послушай, – продолжал он, понизив голос, – я тебя ни за что не виню. Думай что хочешь, но это не так. И нашим прошлым я не пользуюсь. Выслушай меня, пожалуйста. Все очень сложно и запутанно. Есть вещи, о которых ты и представления не имеешь. Клянусь, я в первую очередь заботился о твоих интересах. Никто не знает, что я с тобой сейчас разговариваю. Если о нашей встрече проведают Спарачино или Бергер, меня распнут на первом попавшемся дереве.

Я промолчала, потому что была слишком расстроена и не могла соображать здраво.

Марк подался ко мне через стол.

– Подумай для начала вот о чем. Бергер гоняется за Спарачино, а Спарачино в данный момент нужна ты.

– Что? Спарачино нужна я? – вырвалось у меня помимо моей воли. – Да мы ни разу с ним не встречались. Зачем я ему понадобилась?

– Все из-за Берилл, – повторил он. – Дело в том, что Спарачино с самого начала был ее адвокатом. В нашу фирму он вошел только после открытия нью-йоркского отделения. До этого у него был частный бизнес. А нам требовался опытный юрист, хорошо знакомый со сферой индустрии развлечений. Спарачино прожил в Нью-Йорке более тридцати лет. У него здесь связи. У него клиенты. Все это он передал нам. Помнишь, я рассказывал, как познакомился с Берилл на ланче в «Алгонкине»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/patrisiya-kornuell/sut-dokazatelstv/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Игра слов: Key West и Queer (англ. – похожий на гомика) West. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

2

Имеется в виду Вашингтон, округ Колумбия. (Прим. ред.)

3

Уэбстер Уильям Хеджкок – государственный деятель, юрист.
В 1978–1987 гг. – директор Федерального бюро расследований.

4

Чарльз Миллз Мэнсон (род.?1934) – американский преступник, лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 г. совершили ряд жестоких убийств. (Прим. ред.)

5

Теодор Роберт «Тед» Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, известный под прозвищем «нейлоновый убийца». Точное число его жертв неизвестно: оно колеблется в пределах от 26 до более 100, общее количество преступлений – 35. Банди был признан виновным в десятках убийств и казнен на электрическом стуле во Флориде. (Прим. ред.)

6

Отделение части конечности. (Прим. ред.)

7

«Дочери американской революции» – женская общественная организация, объединяющая потомков участников Войны за независимость. Создана в 1890 году. Выступает за «сохранение идеалов американизма».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/patrisiya-kornuell/sut-dokazatelstv-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)